

МАТРИЦА

АННА

Никогда не
заговаривайте
с неизвестными

РУССКИЙ
ХИТ

Анна Малышева

**Никогда не заговаривайте
с неизвестными**

«АСТ»

2009

Малышева А. В.

Никогда не заговаривайте с неизвестными / А. В. Малышева —
«АСТ», 2009

В московском аэропорту сталкиваются парень и девушка. Ивана интригует загадочное поведение Алии. Он подозревает, что та живет по фальшивым документам. В довершение всего Алиа угоняет его машину. С этого и начинаются крупные неприятности у киллера, который прежде никогда не ошибался... Его машина была использована во время заказного убийства. Иван находится под подозрением. Он ищет девушку, чтобы отомстить, но... только ли для этого?

© Малышева А. В., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анна Малышева

Никогда не заговаривайте с неизвестными

Глава 1

Самолет прилетел в аэропорт Внуково из Казахстана. Рейс задержался почти на два часа – в аэропорту отправления не было горючего. Все пассажиры давно уже нервничали – у многих в Москве были назначены деловые встречи, кого-то ждали родственники... Наконец они оказались в багажном отделении. Люди уныло слонялись возле пустых резиновых лент транспортера, смотрели на часы, кто-то жадно пил возле стойки буфета кока-колу... Кроме этих бедолаг, в багажном отделении находились пассажиры ереванского рейса. Эти держались особняком – разодетые в пух и прах, и вместе с тем, очень настороженные. И хотя в зале висела табличка «Не курить», большинство мужчин курило.

– Извините, у вас не будет сигареты?

Невысокий коренастый парень в зеленой замшевой куртке обернулся, услышав женский голосок. Рядом стояла девушка и несмело, просительно улыбалась.

– Пожалуйста, – он достал из кармана пачку. – Для вас ничего не жалко.

– А мне ничего и не надо, только сигарету, – девушка взяла одну. – Огонька не будет?

Парень дал ей прикурить и молча смотрел, как та затягивается – жадно, так что щеки вваливаются. «А ничего, симпатичная, – подумал он. – Что-то я ее не видел».

– С казахстанского рейса? – спросил он.

– Да, конечно. Я что – на армянку похожа?

– А кто вас знает? Черненькая... Правда, говорите без акцента. – Он разглядывал длинные черные волосы, раскосые глаза в припухших веках... Возле линии ресниц была густо, вульгарно наложена подводка. Кожа молочно-белая. Фигура ладная, крепко сбитая. Одета девушка была неказисто – джинсы да старая кожаная куртка, на плече – матерчатая сумка.

– У меня никогда в жизни акцента не было. Я же метиска, – доверительно сказала та. – Мама казашка, папа немец.

– Ух ты, – без удивления ответил он. – А что в Германию не поехали?

– Не знаю. Это дело родителей, а не мое, – резко ответила она.

– Да ну, чего в вашем Казахстане хорошего? – не унимался парень. – Разве не хочешь жить по-человечески?

– А я живу по-человечески, – совсем уже замкнулась она. И выбросила сигарету.

Девушка уже повернулась, чтобы уходить, но он неожиданно положил ей руку на плечо:

– Не обижайся. Если будешь так на всех смотреть – жить нельзя будет.

– Я не обиделась, – резко ответила девушка. – Что вам нужно?

– Возьми еще сигарету, – он уже перешел на «ты», а она все еще стеснялась. – Да возьми, возьми, неизвестно, сколько будем ждать. Ты что решила – я пристаю? Мне этого не нужно. Просто хочется с кем-то поговорить, время убить. Да ты бери, бери! На!

Она взяла сигарету.

– Конфетку хочешь? – продолжал он, доставая из кармана куртки несколько леденцов.

– Это те, из самолета? – брезгливо спросила она. – Ну их!

– Да нет у меня сейчас других! Я тебе в Москве куплю коробку конфет, шоколадных, договорились?

– Не договорились.

– Почему? – удивился он.

– Нипочему.

- Ты в Москве учишься? Замужем тут? Или в гости приехала?
- Все вам надо знать, – ответила она, раскуривая вторую сигарету. – Учусь.
- Это хорошо. А где?
- В... – Девушка запнулась. – В институте.
- Это я и так понял. Наверное, журналисткой будешь?
- Почему вы так решили?
- А потому, что очень разговорчивая, – усмехнулся парень.
- Нет, я буду химиком... Если только буду.
- А что? Проблемы?
- Девушка молча кивнула.
- Что случилось? – не унимался парень. – Может, я помогу?
- Вы?!
- А ты что думаешь – я многое могу сделать. Давай, пожалуйся мне, а я подумаю, как тебе помочь. Не стесняйся.
- Ой, да не смешите меня! Все вы так говорите... – отмахнулась девушка. – Ладно, хватит. Давайте багаж ждать.
- А мы и так ждем. Слушай, тебя выгнали из института?
- Девушка мельком взглянула на него. И по этому взгляду – грустному, усталому, он понял, что оказался прав.
- Что ж ты сюда приехала?
- А что в Казахстане делать? – вопросом ответила она. – Временная прописка у меня пока есть. Поживу в Москве, поработаю. Может, восстановлюсь в институте. Может, другой выход найду.
- Родителям сказала, что выгнали?
- Нет.
- Понимаю, ты самостоятельная, – одобрительно кивнул парень. – Это хорошо. А все же сразу хлебнешь горя. Есть где жить?
- Она кивнула.
- У подружки, наверное? – не унимался он. – Или у парня?
- Слушайте, хватит в душу лезть! – вырвалось у нее.
- А, все ясно, – протянул парень.
- Что вам ясно?!
- А то, что жить тебе негде, моя дорогая. И работы, скорее всего, пока тоже нет. Что – прав?
- Она промолчала.
- Что ж, я теперь почти все понял, – кивнул он. – Тебя как зовут?
- Никак.
- А меня Иван.
- Она вздохнула:
- Ладно, Алия.
- Чего?
- Меня звать Алия.
- Красиво. А то меня уже тошнит от Наташек. Алия – прямо то, что надо.
- Девушка пожала плечами:
- Вы не из Казахстана? Вам такие имена непривычны?
- Я москвич.
- А...
- Что – а? – передразнил он ее. – Постой, кажется, наш багаж привезли. Ну, точно!

На табло появилось название рейса и через окошко в стене на резиновую ленту транспортера начали швырять тяжелые сумки. Иван рванул к транспортеру, протаскивая за собой сквозь толпу Алию. Возле багажа сразу образовалась давка – как будто после двухчасовой задержки лишние пять минут что-то решали. Но Ивану это было ни о чем. Кого-то он резко и грубо толкнул, кого-то отодвинул плечом и в результате у него в руках мигом оказалось две вместительные, битком набитые сумки.

– Берегись! – крикнул он девушке и швырнул сумки ей под ноги. – Присматривай за ними!

Она подпрыгнула, чтобы увернуться от удара и крикнула ему:

– А моя сумка?! Моя сумка?! Она такая красная, с синими полосками...

Через пять минут клеенчатая красная сумка была у ее ног. Иван отдувался и приглаживал растрепанные волосы:

– Ну, зоопарк, ну, цирк!.. Все, Алиа, рванули на таможню!

Он быстро шел впереди, легко неся неподъемные сумки. Она едва поспевала за ним. Они прошли таможню и оказались в зале ожидания аэропорта.

– Такси! Такси недорого! – наперебой кинулись к ним.

– Алиа, не отставай, – крикнул он через плечо. Он даже не обернулся – так был уверен, что девушка тащится за ним. Уже на улице обернулся. Так и есть – стоит сзади и тяжело дышит.

– Ух, – девушка поставила на землю сумку. – И зачем я за вами бежала, спрашивается? Задурили голову. Мне вообще некуда спешить. А вы идите себе...

– А зачем это мне идти? Сейчас поедem, – отрезал Иван.

– Куда?

– В Москву. Ты что – туда не собираешься? Тут заночуешь?

– Я на автобусе поеду, – покачала она головой. – На пятьсот одиннадцатом. Вон он стоит!

– Какого ж... – Он хотел выругаться, но сдержался, чтобы ее не насторожить. – Обойдемся без автобуса.

– Я с вами не поеду.

Она совсем перепугалась, и парень понял, что время терять не стоит. В одну руку взял обе свои сумки, в другую – убогий клеенчатый баул. И пошел вперед, к машинам на стоянке. Та и глазом моргнуть не успела.

– Погодите, отдайте сумку! – испуганно говорила девушка, семена вслед за ним. – Ваня, вы что? Куда вы ее несете?

– Садись! – Иван отпер бордовую «девятку», затерявшуюся среди других машин на стоянке. Вещи он закинул в багажник и запер его. Алиа стояла рядом с передней дверцей и дрожала. Не от холода – от нервного напряжения.

– Да ты что? Садись, не бойся, – Иван сел за руль, включил зажигание. – Сейчас довезу, куда скажешь. Ну, что смотришь?! Я не бандит, клянусь, и психика у меня в норме. Ничего тебе не сделаю.

– Отдайте мои вещи, – она уже чуть не плакала. – Я все равно не поеду с вами.

– Так, – он хлопнул ладонью по сиденью рядом с собой: – Садись сюда, вытираешь слезы и едешь в Москву. Нормально едешь, с комфортом. В Москве я тебя отвезу по тому адресу, какой скажешь. Потом поеду к себе. Ты мне не нужна, поняла? У меня девушка есть, и она меня ждет. И не мотай мне нервы – я просто помочь тебе хотел.

– Отдайте сумку.

– Не веришь? Ладно, вон ходят менты. Иди к ним и попроси их запомнить мой номер машины, проверить мои документы. Тогда поедешь?!

Он уже злился. А вот она притихла. Оглянулась – рядом наряд милиции, уже поглядывает в их сторону. И тогда Алиа, разом на что-то решившись, села в машину и хлопнула дверцей.

На ее лице застыло выражение отчаяния и странной покорности. Иван осторожно вырулил со стоянки и погнал по трассе в Москву. Заговорил он только через пять минут:

– Кури. Вот сигареты.

Алия протянула руку и достала сигарету из пачки, лежавшей под лобовым стеклом. Закурила и, сжавшись в комок, отодвинулась от парня подальше.

– Выпить хочешь? – продолжал Иван. – Возьми в «бардачке» фляжку.

– Спасибо, не пью.

– Между прочим, армянский коньяк. И не московского разлива. Настоящий.

– Спасибо, нет.

– Ну и бог с тобой.

Алия нервно затягивалась сигаретой и ее густо подведенные глаза неподвижно смотрели на трассу. Впереди виднелось бурое облако смога – там раскинулась Москва.

– Алия, а ведь у тебя прописки нет.

– Отвяжись! – вдруг перешла на «ты» девушка. – Высади меня, понял?

– Не-а, едем дальше. Чего прыгаешь? Сказал – довезу, значит, довезу. Только врат не стоит. Ты чего ментов напугалась?

– Да я, может, тебя не хотела подставлять, – отрезала она.

– Врешь. Меня не подставишь. У меня все в порядке, документы при мне. И я не в розыске, оружия у меня нет и наркотиков, трезвый уже неделю, машина моя личная, а не угнанная. Коренной москвич. Приехал к себе домой. Так что не за меня ты испугалась. А за себя.

Алия промолчала.

– Ты вообще-то студентка или нет? – спросил он. – Давай, колись.

– Студентка... Только... Бывшая, – глухо ответила Алия.

– И давно уже бывшая?

– Давно. Второй год.

– И прописки нет второй год?

– Прописка кончилась этим летом.

– Значит, бомжуешь?

Она пожала плечами:

– Что спрашивать? И так ясно.

– Родители в курсе?

– Нет.

– Второй год им мозги крутишь, стало быть? Чего ради?

– Мое дело.

– Правильно, твое. Смелая ты девчонка. Одна живешь в Москве, без прописки, с такой нерусской внешностью...

– И что посоветуешь? Повеситься?

– Думать надо, как жить. Постой... Прописки нет, а как же ты прошла через паспортный контроль? Не тормознули?

– Нет.

– Ого, интересно! – заметил он. – Покажи-ка мне паспорт.

Алия не отреагировала.

– Советую все же показать, – после краткой паузы сказал он. – Может, я что-то посоветую. Я могу, знаешь ли.

– Ты случайно не мент? – резко спросила она, и ее глаза стали жесткими и тусклыми, как два черных кусочка угля.

– Боже упаси! – искренне протянул в ответ Иван. – Меня можешь не бояться.

– Ладно, гляди. Все равно догадался. На умного попала...

Она дернула «молнию» на сумке и достала оттуда небесно-голубой паспорт с золотым гербом Казахстана. Иван скинул скорость, взял паспорт и бегло его просмотрел. Паспорт принадлежал женщине по имени Боссарт Мухаббат Викторовна, семидесятого года рождения, гражданке независимого Казахстана. На цветной фотографии была Алия, только с другой прической – каре, длинная челка. Иван вернул паспорт девушке и спросил:

- Как это понимать, красавица? Ты что же – не Алия? Зря я твоим именем восхищался?
- Нет, Алия. Алия Викторовна, и моя фамилия Боссарт. Говорю же – папа немец.
- А кто такая эта Муха... Как ее?
- Мухаббат. А в переводе на русский это значит – Любовь.
- Ладно, и кто тебе эта Любовь?
- Моя старшая сестра. На два года старше. Это ведь ее паспорт. Настоящий, не фальшивый.
- Алия слабо улыбнулась. – И между прочим, я ее зову как раз Муха...
- А фотка твоя?
- Фотография тоже ее. Ну и что? Мы похожи. Особенно на ваш взгляд. Для русских все азиаты на одно лицо. Даже метисы.
- Артистка... – протянул он. – А где твоя сестра?
- В Казахстане. Дома живет, с родителями.
- И о том, что ты по ее паспорту существуешь, родители тоже не знают?
- Да ты что?! – испугалась Алия. – Конечно, нет... Они вообще о моих проблемах не знают. Считают до сих пор, что я учусь. Гордятся... Только Муха знает. Но она молчит. Она специально, тайком от них паспорт потеряла. Ну, понимаешь, для меня, мне отдала... Я ее попросила... Чтобы свободно границу пересекать, хотя бы домой ездить. А ей новый паспорт выдали.
- Так у тебя два паспорта?
- Да. Один – мой личный, советского образца, без прописки. И второй – сестры...
- Ну и жизнь пошла, – философски заметил Иван. – А ментам ты что показываешь?
- Они меня пока не тормозили. А на паспортном контроле показываю казахстанский паспорт. Вот этот, голубой. Он действует, как загранпаспорт. Слушай, дай глотнуть из твоей фляжки! – неожиданно закончила объяснения Алия.
- Достань и выпей, – кивнул он.
- Девушка жадно глотнула из фляги душистой, пахучей жидкости и закрыла глаза:
- Вот это коньяк... Я вообще-то, правда, не пью, но мне что-то не по себе. Неприятно об этом думать.
- Выпей еще, – посоветовал парень. – Расслабься. Есть хочешь?
- Вообще-то в самолете кормили. Я пока сыта.
- Гнилая капуста и консервированный кекс? Я этой дряни не трогал, сейчас есть хочу.
- Алия, давай перекусим?
- Где? – спросила она, открывая непроницаемые черные глаза. Теперь она держалась куда проще и доверительней.
- Где угодно. Согласна? Сейчас поищем ресторан. Девушка больше не возражала. Предъявив ему документы, она перестала стесняться и снова заулыбалась. Иван замолчал, что-то обдумывая. Минут через десять после кружения по окраинным московским улицам он нашел небольшое кафе.
- Сюда, – сказал он, остановив машину. – Вылезай и иди вперед, я догоню. Только машину запру.
- В кафе они уселись за угловым столиком, официантка принесла меню.
- Бери, что хочешь, – сказал Иван, глядя, как Алия уткнулась в столбик с ценами.
- Курицу и картошку, ладно?

– А мне принесите шашлык, – сказал Иван официантке. – Шампанское, салат, пирожки. Быстро сделаете?

– Ждите, – не приветливо ответила та и нарисовав несколько каракулек в записной книжке, неторопливо удалилась.

– Сервис... – не одобрил ее поведения Иван. – Вроде платишь втридорога, а ведут себя, как в совковые времена.

– Хм, – заметила Алия. – А ты те времена помнишь?

– Еще не забыл. Мне все-таки под тридцать. А тебе сколько?

– Двадцать пять, – ответила Алия.

– Должна помнить.

– А у меня, может, папа с мамой богатые были, – улыбнулась она. – Знаешь, что такое парная сайгачатина?

Алия даже заволновалась. Официантка принесла заказ и молча выдрала из записной книжки счет. Иван возмутился:

– Дайте поесть, в конце-концов, потом принесете!

– Ладно, – вяло ответила официантка и снова пропала.

– У меня денег нет, – после минутного молчания сказала Алия.

– Хоть ты-то мне не хами! – взорвался Иван. – Я похож на типа, который ведет девушку покушать и заставляет ее за себя платить?!

И они принялись за еду. Алия ела без аппетита, ковырялась в курице, размазывала вилкой огненный соус, вздыхала. В основном налегала на шампанское. Иван ел, будто работу делал – четко, быстро, сосредоточенно.

В машине стало ясно, что Алия напилась. Шампанское, смешанное с армянским коньяком, дало результат – глаза у нее закрывались. Только через полчаса он услышал вопрос:

– А куда мы едем?

– Ко мне, – сказал он.

– Нет.

– А нет – говори адрес.

Она молчала. Сидела, отодвинувшись от него как можно дальше и задумчиво глядела на свои коленки, обтянутые потертыми черными джинсами.

– Куда надо-то? – спросил он.

– Никуда, – вдруг ответила она. – Поехали к тебе.

– Ладно.

Он даже не взглянул на нее. Тормознул возле массивного, грязно-красного «сталинского» дома в районе «Сокола», вышел, достал сумки из багажника, кивнул ей:

– Пошли.

Она шла, не задавая вопросов. Поднялись на третий этаж, Иван отпер высокую, обитую черным дермантином дверь... Они оказались в темной прихожей. В квартире еле слышно бормотал то ли приемник, то ли телевизор. Пахло перебродившим сигаретным дымом, еще чем-то кислым, нежилым. Алия как вошла, так и стояла, привалившись плечом к стене, глаза у нее были усталые и равнодушные. Иван прошел в комнату, не снимая грязной обуви, и она услышала, как он спрашивает кого-то:

– Ты давно тут?

– С утра сижу, тебя жду, – ответил ему мужской голос. – Что так долго?

– Рейс задержали. Ну, и как тут?

– Ничего. А у тебя как?

– И у меня порядок. Жив.

– Кто это там скребется? – спросил его собеседник, услышав, как кожаная куртка Алиии шелестит по обоям в прихожей. – Кошак, что ли, вернулся?

- Нет, не кошка. – Негромко ответил Иван. – Сиди тут. Я не один.
- Чего ради? – удивился его собеседник. – Нашел время!
- Сказано – сиди тут.

Иван вернулся в коридор и освободил Алию от тяжелой сумки. Она подняла глаза. Во взгляде не было испуга – только немой вопрос. Он слегка улыбнулся:

- Все в порядке. Тут мой друг, он не помешает. Пошли.

Он внес сумку в комнату, дальше по коридору. Алиа вошла следом, все так же молча присела на край продавленного дивана. Мебель в комнате была старая, пыльная. На полу – протертый ковер, в углу допотопная бамбуковая этажерка. Тут же выстроились пустые водочные бутылки. Единственной новой вещью в комнате был музыкальный центр – он резко выделялся на фоне общего убожества обстановки. Иван стряхнул с плеч куртку. Сразу стало видно, какие мускулы у него под тонкой голубой майкой. Он с наслаждением потянулся, сделал пару приседаний и фыркнул:

- Ты что грустная?
- Ничего.
- Боишься?
- Если бы боялась – не пошла бы, – ответила та.
- Верно, я ж тебя не заставлял. Сама согласилась, – кивнул он. – Выпить еще хочешь?

Он кинул на диван фляжку, которую захватил из машины. Алиа машинально отвинтила крышечку и приложила. Ее вдруг передернуло, она согнулась и зажала ладонью рот.

- Не пошло? – спросил Иван.
- Нормально. – Она тяжело дышала, полуоткрыв мокрый рот, глаза у нее покраснели.
- А теперь рассказывай!

Иван сперва присел рядом с ней на диван, потом вольготно прилег и вытянул ноги.

– Блаженство... – пробормотал он. – Ненавижу самолеты. Некуда конечности девать. Алиа, ты меня слышала? Исповедуйся!

- Я не хочу, – девушка искоса взглянула на него.
- А чего ты хочешь?

Вместо ответа она встала и стянула куртку. Под курткой обнаружился толстый желтый свитер. Его Алиа тоже сняла и аккуратно сложила на расшатанном стуле рядом с диваном.

- Ну, я тебя не заставлял.
- Помню, – безразлично ответила она.

Джинсы тоже оказались на стуле. Девушка была прекрасно сложена. Небольшая крепкая грудь, впалый живот, сильные ноги. Алиа сняла все, что оставалось, и обернулась. Легла рядом с ним. Закрывает глаза.

- Задержи шторм, – вдруг произнесла она, не открывая глаз.

Иван послушался, снова лег рядом, та не произнесла ни звука. Молча прижалась к нему и сама его обняла...

...В ноябре дни короткие. Иван открыл глаза, когда уже стемнело. Первым делом протянул руку, нащупывая Алию. Диван был пуст. Он сел, провел ладонью по глазам, поморгал, огляделся. Встал, натянул одежду и вышел в коридор. В ванной шумела вода. На кухне курил его приятель. Увидев Ивана, покрутил пальцем у виска:

- Псих, что ли?
- Ладно, Серега... Клиент был? – вопросом ответил Иван.
- Был и уже ушел. Оставил аванс и игрушки.
- А что?
- «Микро-УЗИ».
- У-у, – протянул Иван. – Не люблю эту туфту израильскую. Отказывает.

– Зато компактно, – возразил Сергей. – Я сам договорился, не стал тебя беспокоить. Опять же ты с девочкой был. Сказал клиенту, что тебя пока нет.

– Она там? – Иван показал на ванну.

– Да уже часа два. Стирает, купается. Сувенир привез из Казахстана? – Приятель был явно недоволен и говорил сквозь зубы.

– Ты к ней не клеился?

– Нужна она мне?! И тебе бы не советовал. Она что – с вещами притащилась?

– Да. Я ее в багажном зацепил.

– Москвичка?

– Нет. Зачем мне москвичка? Ей некуда деваться, вот в чем дело. – Иван плеснул водки на дно стакана, налил и другу: – За успех!

Выпили, закусили. Иван продолжал:

– Все чисто сошло, но больше я туда не поеду.

– Чего так?

– А городишко маленький. Все новые лица на виду. Негде на дно упасть, а я торопиться не люблю. Плюс – оружия с собой не захватишь. А с чужим работать...

– Ну, твои капризы никого не волнуют, – заметил тот. – Попросят – поедешь еще.

– Сказал – нет!

– Ты лучше меня послушай, – приятель придвинулся к нему поближе. – Выставь эту девку! Поигрался и хватит! Зачем она тут?

– У меня насчет нее идея.

– Завязывай со своими идеями! Чересчур хлопотно. И никогда не угадаешь, что у такой девчонки на уме!

– А мне плевать, что у нее на уме. Все равно будет по-моему.

В этот миг в ванной стало тихо. А через минуту оттуда появилась Алия – раскрасневшаяся, с мокрыми волосами, налипшими на шею и плечи. На девушке была только длинная черная майка, доходившая почти до колен. Она посмотрела на приятелей и улыбнулась:

– Добрый вечер!

– Иди сюда, – поманил ее Иван. – Знакомьтесь. Это вот Серега, мой старый друг. Это Алия. Алияшка, садись. Выпьем.

– Без меня. – Сергей встал и, не глядя на гостью, вышел.

Алия сидела, виновато уставившись в стол и молчала. Потом подняла глаза. Иван беззаботно уплетал расставленное на столе небогатое угощение.

– Не бери в голову. Он всегда такой.

– Из-за меня вы ссоритесь, – подала голос Алия. – Мне, наверное, надо уходить.

– Не дури. Ешь.

– Я лучше выпью. – И Алия потянулась к бутылке с водкой.

Иван налил ей и увидел, как девушка жадно проглотила содержимое стакана. На миг ее затрясло, но тут же она расслабилась, порозовела.

– Закусывай, – сказал он.

– Потом.

Алия закурила, пуская в потолок быстрые струи дыма. Иван поставил на плиту чайник.

– Ну, услышу я правду или нет? – спросил он, поворачиваясь.

Алия равнодушно пожала плечами:

– Спрашивай – отвечу.

– Предположим, в машине ты мне сказала правду и тебя зовут Алия. Предположим, ты училась в Москве и тебя выгнали. Живешь по паспорту сестры. Мне, в сущности, плевать, так это или нет. Другое интересно – где ты собиралась жить, когда приехала?

– У тебя, – спокойно ответила она.

- Я серьезно спросил.
 - А я ответила.
 - Ты решила заклеить мужика еще в аэропорту, чтобы на ночевку попасть? – Он задал вопрос нарочно грубо, чтобы ее расшевелить. Но впечатления на девушку не произвел. Та равнодушно ответила:
 - Хоть бы и так. А что?
 - Ничего. Врешь много. К кому приехала?
 - К тебе. – Она посмотрела ему в глаза и вдруг рассмеялась: – Да ладно! Если я нехстати
 - только скажи. Я уйду.
 - Сиди!
 - Сижу, – кивнула она.
 - Друзья в Москве есть? – спросил он.
 - Имеются.
 - Они тебя ждут?
 - Не очень. Я надоела. Живу у них. На нервы действую. Денег нет.
 - Парень есть?
 - Был.
 - А куда делся?
 - Никуда.
 - Подруги?
 - Были. – Алия перешла на односложные ответы. Этот допрос ей не нравился, она ерзала на стуле, кусала губы.
 - Ладно. Где ты работать собиралась?
 - Пока не знаю. Нашла бы что-то. В Москве это несложно. Во многих местах даже паспорт не просят.
 - Верно. – Иван все больше убеждался, что она врет. Врет и чего-то боится. – Ну, а деньги есть?
 - Немного.
 - А именно сколько?
- Девушка слабо улыбнулась:
- Пятьсот.
 - Баксов?
 - Рублей.
- Иван присвистнул:
- Фью! На неделю скромной жизни!
 - Это такому бугаю, как ты, на неделю. А мне бы на месяц хватило.
 - Мало ешь? Зато пьешь не хило.
- Девушка отодвинула стакан с остатками водки и встала из-за стола:
- Спасибо за угощение. Но я, кажется, за все расплатилась авансом?
 - Сядь! – прикрикнул на нее Иван.
 - Я пошла.
 - Кому сказал – сядь!
- На этот раз она послушалась.
- Я найду тебе работу, поняла? – сказал Иван, тоже присаживаясь за стол. – Постой, выпьем еще по маленькой.
- Он разлил остатки теплой водки и придвинул ей стакан:
- Пей и закусывай.
- Она послушно выпила и зажевала водку кусочком колбасы. Щеки у нее горели, глаза блестели, волосы совсем высохли и распушились. Иван видел, что девушка совсем еще моло-

денькая и очень хорошенькая. Сколько же ей лет? Сказала – двадцать пять, но может быть и пятнадцать. Правды пока не добьешься. Он негромко и уверенно заговорил:

– Жить будешь тут. Со мной. Поняла? Устраивает?

– Ты мне нравишься.

Он проглотил эту лесть, не поморщившись и продолжал:

– Будешь делать, что я скажу. Работа – не бей лежачего. Хорошо оденешься, проблем не будет. Только отдашь мне свой паспорт, настоящий, советский. Прописку мы тебе устроим. Временную, правда, но самую настоящую.

Алия смотрела на него, как на инопланетянина. Потом покачала головой:

– Я не проститутка. Ты что подумал? Я с тобой переспала по-хорошему, но я этим делом не зарабатываю. Ты ошибся!

Она хотела встать, но парень поймал ее тонкую руку и стиснул так, что девушка вскрикнула:

– Пусти!

Он не отпустил, а наоборот – пригнул руку к столу, так что она вынуждена была сесть. Девушку трясло от боли, с ее лица разом сбежали все краски, она задыхалась от ярости и страха.

– Пусти... – выдавила она.

Иван отшвырнул ее руку, и Алия по инерции стукнулась плечом о стену. И немедленно заплакала, потирая белые пятна на запястье:

– Слома-ал...

– Цела твоя рука, не реви, – хмуро ответил он. – В проститутки не желаешь? Так и я не сутенер. Я тебя на панель не выставлю. Там своих достаточно. Но ты, Алияшка, усвой себе – теперь ты моя. Хочешь уйти – иди. Я тебя отпущу. Пока. А хочешь остаться – я не против. Но тогда уж слушайся. Внакладе не останешься. А кому ты, кроме меня, нужна?

Алия вытерла злые слезы и отвернулась. Иван продолжал:

– Не знаю пока, где ты наврала, где правду сказала, но точно – тебе деваться некуда. Иначе чего ты со мной пошла?

Девушка бросила:

– Я думала, ты нормальный парень, порядочный! А ты меня избил! Меня никто никогда не бил!

– Это разве называется – избил? – удивился Иван. – Вот дурочка! Да если б я только начал тебя избивать...

– Дай уйти, – прошептала девушка. – Клянусь, я никому ничего не скажу.

И тут же замолчала, увидев, как побелели глаза Ивана. Он процедил:

– Что ты не расскажешь?

– Н-ничего...

– Ты о чем?

– Что избил, не скажу...

Она хотела встать и не могла – понимала, что бежать бесполезно. Но Иван не двигался с места. Он смотрел на нее. Наконец спросил:

– Что видела?

Та испуганно помотала головой:

– Ничего!

– Где и что ты видела? Здесь? В той комнате? У Сереги?

Она не отвечала. Тогда он снова схватил ее за руку и потащил в комнату. Там швырнул девушку на постель, а сам вывалил на пол содержимое ее сумки. Расшвыривал по углам тряпки, чистое и грязное белье, джинсы, зимние сапоги, яркий полосатый шарф... Девушка рыдала, уткнувшись лицом в грязную подушку, он не обращал на нее внимания. Наконец

нашел маленькую черную коробочку. Открыл ее. На лиловом бархате лежал маленький шприц и к нему – игла в упаковке. Несколько старомодный и весьма элегантный набор.

– Так, – спокойно произнес он. – Сама колешься?

Алия затихла – даже плакать перестала.

– Лишний вопрос, да? И не мое дело? Может, у тебя диабет, в конце-концов, и тебе это нужно для инсулина?

Она не ответила. Он продолжил обыск и нашел кое-что поинтересней. Записную книжку. Большую записную книжку. Быстро просмотрел ее и сунул в карман. Алия резко села на кровати и молча следила за ним. Глаза у нее были сухие и тревожные. Следующей находкой был паспорт советского образца в разорванной целлофановой обложке. Иван и его просмотрел. На фотографии была Алия, владелицей паспорта значилась Боссарт Алия Викторовна, семьдесят второго года рождения. Последним местом прописки была Москва, и крупными буквами выведено: «На учебу». Прописка кончилась этим летом. Иван постранично изучил паспорт. Алия была не замужем, детей нет... Никаких отметок больше не значилось. Он зачем-то машинально отметил, что родились они в одном месяце – январские. Ему не верилось, что девушка рассказывала правду о себе. Алия все еще не издавала ни звука. Наконец Иван побросал все вещи обратно в сумку, туда же сунул паспорт и шприц. Только записную книжку оставил себе.

– Ладно, студентка, – сказал он. – А теперь на счет «три» говоришь, что видела, и идешь куда глаза глядят. Ничего тебе не будет. Ну?

– Ничего не видела, – прошептала она.

– Серега! – крикнул Иван.

Его друг появился сразу. Он с интересом посмотрел на девушку и кинул Ивану:

– Проблемы!

– Что она могла видеть, пока я спал, Серега? – спросил его Иван.

– Чего? – Серега тупо смотрел на девушку, пытаясь что-то сообразить. Потом вдруг тяжело вздохнул, обращаясь к Ивану: – Говорил – никого сюда не приводи. Мало ли чего она видела! Может, ствол видела, может, пошарила в твоих шмотках. Адрес запомнила! Хата съемная, хоть сейчас отсюда уйдем... – Он начинал паниковать. – А тачку видела? Опишет! Номер запомнит! И что теперь с ней делать? Руки об нее марать?

– Я ничего не видела! – быстро и умоляюще заговорила девушка, вставая на колени. Диван под ней закрипел. – Мне негде было переночевать, и я пошла с ним...

Она указала на Ивана и быстро продолжала:

– Я не знаю, кто вы такие, ребята, чем занимаетесь, ничего не видела, никому ничего про вас не скажу! Отпустите меня! Ну, пожалуйста! Ей-богу, никому не скажу... Дура я, что ли?!

– А... – протянул Серега. – Плохо дело. Ты ее сюда привел? Ты и разбирайся.

Алия стояла на коленях, молитвенно сложив руки на груди, и быстро переводила взгляд с одного парня на другого.

– Только не убивайте, мальчики! – вырвалось у нее. – Зачем это вам?!

– Ну, загнула, – наконец подал голос Иван. – Кто тебя убивает?

– Ради бога! – воскликнула она. – Я все для вас сделаю! Хотите вдвоем?! А?! Давайте вдвоем, здорово будет, ну, я все сделаю, мальчики, чего, чего он так на меня смотрит, Ваня?!

А Серега и в самом деле смотрел на нее нехорошо. Иван успокаивающе хлопнул его по плечу:

– Не заводишь. Девочка, правда, ничего не видела. Что я на нее наехал, в самом-то деле?

– Я знаю, что она видела, – вдруг вырвалось у Сереги. – Она клиента видела! Еще мне показалось – кто-то в коридоре лазает... Опять подумал, кошка. А нашего кошака второй день дома нет! Это она была! Подслушивала, сука! Может, и подглядывала тоже! А ты чего спал, придурок?

Серега сплюнул и закончил:

– Поторопился ты расслабиться. Работа дураков любит! Вот сам с ней и возись!

И вышел, плотно прикрыв дверь. Он не желал ввязываться. Ивану тоже стало не по себе. Он смотрел на девушку и не знал, как к ней подступиться. До Алии, видимо, дошло, что она молчит себе во вред. Пока она молчит, Иван думает, а ничего хорошего он думать не может...

– Вань, слушай, – спокойно и серьезно сказала она. – Я тебе все расскажу. Когда ты уснул, я пошла в туалет. Потом воды захотелось, на кухню завернула. А потом слышу – вроде бы твой друг меня окликнул. Откуда я знала, что он не один? Я решила, что он меня позвал. Пошла к нему, заглянула в дверь... Дверь была приоткрыта. А в комнате он был не один. С ним еще кто-то, но я не видела кто. Дверь была только чуточку приоткрыта, я видела только Сергея и край стола. А на столе увидела автомат. И все! Я сразу ушла! Пришла к тебе, легла и больше не вставала... Ну и что, подумаешь, автомат?! Мало ли у людей оружия?! Что я – оружия не видела?! У моего отца тоже ружье есть незарегистрированное, и что теперь? Вань, ну ты же понимаешь, что я никому про это не расскажу, разве я похожа на стукачку?!

– Ты похожа на циркачку, – оборвал ее речь Иван. – По тонкой проволочке ходишь.

Девушка заговорила быстро и горячо:

– Вань, ну ты что?! Ты же нормальный парень, добрый, я вижу! Что я могу тебе сделать?! Это смешно...

Видно было, что она пытается разреветься для пущей убедительности, но от страха и волнения у нее уже ничего не получается. Иван вздохнул. Ему было противно видеть, как она унижается, как боится и каким дураком его считает.

– Я тебе ничего не сделаю, – сказал он. – А вот Серега может.

– А ты его поставь на место!

– Думаешь, могу?

– Он тебя уважает!

– Да не слишком, – вздохнул парень. – Ты сама понимаешь, что поперек горла ему встала?

– Понимаю... Вань, дай уйти! Я уйду, и ты меня больше не увидишь!

Он молчал. Тогда Алиа потихоньку слезла с дивана и натянула джинсы. Потом свитер. Взялась за куртку. Она одевалась медленно, глаз не поднимала. Одевшись, подхватила свою сумку и шепнула:

– Выпусти.

– Пошли.

Сергей поймал парочку уже у входной двери. Он ничего не спросил. Только ощупал девушку взглядом, от которого она сжалась, стала еще меньше ростом. Иван отпер дверь и вытолкнул Алию на площадку. Бросил приятелю:

– Скоро вернусь.

Он вошел за девушкой в лифт, нажал кнопку первого этажа. Во дворе она тихонько попросила:

– Отдай мне книжку. Пожалуйста.

– Нет, – ответил он. – Книжка будет пока у меня.

– Да зачем она тебе?

– Ты за ней вернешься.

– Почему ты так думаешь? – Алиа нервничала теперь еще больше, чем наверху, в квартире, во время допроса.

– Она тебе нужна. Там телефоны, адреса, имена. Я тоже ее прочитаю и побольше узнаю о тебе. – Иван явно издевался. – А ты все равно придешь. Только смотри, долго не раздумывай. Я тебе предложил хороший вариант.

– Как же я приду? Твой приятель меня сразу прикончит... – Она замолчала, пережидая, пока мимо них пройдет старуха с пуделем на поводке. Старуха явно постаралась рассмотреть

их лица, но ей мешала темнота. Фонарей не было, и тесный двор-колодец освещался только светом из окон, да от грязного ноябрьского снега исходило серое свечение.

– Отвезу, куда скажешь, – предложил Иван, когда они снова остались во дворе одни. Было так тихо, что отчетливо различался даже легкий стук собачьих лап по спекшемуся снегу. Огромная бродячая собака добежала до помойки и с шумом нырнула в ящик. Алия шепнула:

– Не стоит. Я сама доберусь...

– Боишься меня?

– Тебя – нет.

Он пытался рассмотреть ее лицо, но видел мутное круглое пятно в рамке длинных черных волос. «Я буду последним дураком, если отпущу ее сейчас, – подумал парень. – Так нельзя. Надо проводить, посмотреть, куда она приехала».

– Далеко тебе? – спросил он.

И та вдруг сдалась. Послушно ответила:

– На «Автозаводскую».

– У тебя там кто?

– А, никто... Бывшая сокурсница. Во всяком случае, не прогонит, если я заявлюсь. А завтра что-то придумаю.

– Телефон у нее есть?

– Да. Он, между прочим, в записной книжке. Так ты мне ее отдашь?

– Когда познакомишь с подружкой. Посмотрю, как тебя приняли, и отдам. Идет?

– Какой ты, Ваня, недоверчивый! Ну ладно! Идет. Поехали.

Он отвернулся, чтобы открыть машину, наклонился к дверце... И в тот же миг задохнулся от страшного удара по почкам. Тут же, без перерыва, последовал второй удар, от которого было еще труднее опомниться. Иван со свистом втянул ледяной воздух, но третий удар – по голове – повалил его наземь. Вспыхнула боль в затылке, он впился пальцами в снег, натужно кашляя, извиваясь, все еще пытаясь подняться... И пока нащупывал коленом точку опоры, стонал, гасил белую тьму в глазах, машина рванула с места и пропала в темной арке, ведущей на улицу.

Глава 2

Когда он наконец смог подняться, было уже поздно. Пропала машина, а в ней исчезла Алия. Так глупо он никогда не выглядел. «Здорово она меня приложила!» – подумал парень, прислушиваясь к своим ощущениям. Ощущения были, прямо сказать, пакостные. Стоял с трупом, голова гудела, спина разламывалась. Вместе с девицей исчезла и ее сумка.

Иван поплелся к подъезду. В лифте передохнул, привалившись к стенке. Выйдя на третьем этаже, пару раз позвонил в свою дверь. Сергей открыл.

– Ты чего, Вань?! – испугался он, увидев друга в таком виде – в грязи, в снегу, глаза дикие.

– Запри дверь, – пробормотал Иван, переступая порог. Он нашел силы дотащиться до дивана в своей комнате и осторожно сел. Сергей уже был рядом, заглядывая ему в лицо:

– Что случилось?!

– Эта дрянь... Девка... Угнала мою тачку...

– Что?!

– То! – Иван прилег, и голова переполнилась мерзкой мутью. – У меня, кажется, сотрясение мозга. Дай полотенце мокрое...

Но и мокрое полотенце не помогло. Его сильно тошнило. Он предпочитал не открывать глаз. И странно, к злобе примешивалось какое-то странное чувство. Почти восхищение, как ни смешно. Девчонка его обошла. Так просто! И поступила правильно. Он бы сам на ее месте... Сергей молчал. Он соображал.

– Она тебе по голове дала, что ли? – спросил он наконец.

– Ну.

– А чем?

– Откуда я знаю? У нее вроде ничего не было. Она пару раз дала по почкам, потом вырубил меня. Уложила за минуту. И умотала на моей машине.

– Вот же поганка! – поразился Сергей. – Ну, только никому об этом не рассказывай – смеяться будут. Как она тебя?! В ней же росту – метр пятьдесят, не больше. И на дзюдоистку не тянет.

– Дзюдо ни при чем. Она меня просто избила! Представляешь?! – ответил Иван. И его вдруг разобрал смех. Он хмыкал, пытаясь не шевелить головой – наплывала муть. Сергей сочувственно заметил:

– Пройдет, не переживай. Тачку жалко – она ее бросит где-нибудь.

– Надеюсь.

– Зато в ментовку не поедет. Гарантия.

– Откуда гарантия? Что ты болтаешь? – рассердился Иван. – Отсюда все равно надо сваливать.

– Подождем хотя бы дня два.

– За два дня многое может случиться.

Сергей не ответил. Он присел на диван и задумался. Потом спросил:

– А работать ты сможешь?

– Посмотрим завтра.

– Завтра будет поздно. Надо сделать одного мужика. Ранним утречком лучше всего. Я уже взял деньги.

– Кто такой? – спросил Иван.

– Коммерсант. Фотка, адрес, номер тачки – погляди! Иван взял сперва фотографию, равнодушно на нее посмотрел, потом прочитал адрес.

– Как же без машины? – спросил он.

– Машина не проблема. Может, и было лучше другую взять, чтобы не примелькаться. Найдем. Сделай его, и передохнем. Прямо после дела катанем в Эмираты. Позагораем, на верблюдах посмотрим, шашлык покушаем в пустыне. Ну, как?

– Хорошо. – Иван закрыл глаза. – Шашлык из сайгачатины.

– Из чего?

– Задумался. А сюда уже не вернемся?

– Не стоит. Сниму другую хату. – Сергей вдруг рассмеялся. – Слышишь, нас, наверное, соседи везде за гомиков принимают. Два мужика живут вместе и никого им не надо!

– Станешь гомиком после этой Алии, – пробормотал Иван. – Начнешь от девчонок шараться... Ну, уела она меня. Найти бы ее!

– Забудь об этой поганке! – посоветовал Сергей. – Она рано или поздно на нас нарвется!

Иван лежал неподвижно, и было неясно – слушает друга или уже спит. Вдруг он провел правой рукой по карману брюк. Еще раз, еще. Потом проверил левый карман.

– Ты что ищешь, Вань? – встревожился Сергей.

– погоди! – Иван, не поднимаясь, прощупал карманы куртки и вздохнул: – Ну, так я и знал. Нету. Унесла.

– Что унесла? Она тебя еще и обокрала?!

– Книжку унесла. Я у нее записную книжку забрал, а она ее у меня вытащила, пока я на снегу корчился! Так она что – из-за книжки меня долбанула?!

– На черта тебе была ее книжка?

– Сам не знаю. Подразнить хотел. Узнать, кто у нее есть из друзей... А ей, видно, этого не хотелось. При тебе-то она побоялась напасть, выждала, когда мы наедине останемся. Да, не так она проста, как я думал!

Ранним утром следующего дня частный предприниматель Хлопушин П.В., 1956 года рождения, москвич, был расстрелян из двух автоматов израильского производства в тот момент, когда снимал замок со своего гаража. Несмотря на то что вокруг было довольно оживленное движение, убийцы беспрепятственно скрылись.

...В Дубаях Иван окончательно пришел в себя. Голова не кружилась, и тошнота начисто прошла. Да и мало ли было в его биографии таких ударов! Алию он не забыл. Беспокоился, рвался обратно в Москву, пока Сергей не разозлился:

– Мы отдыхаем или нет?

– Отдыхаем, – отмахнулся Иван. – Только отдыхай не отдыхай, а машину я хочу найти.

– Приедем – поищем.

– Может, уже нашлась. Я позвоню матери.

Он позвонил ей с улицы, из автомата. Говорил минут десять и вернулся в тайский ресторанчик, где они с Сергеем обедали, с посеревшим лицом.

– Как дома? – приветствовал его Сергей, с трудом отрываясь от даров моря.

– Плохо. – Иван огляделся, но вокруг их столика русских туристов не наблюдалось. И все равно он понизил голос: – Машина нашлась.

– Поздравить можно?

– Не стоит. Машина была возле метро «Автозаводская». Стекло разбито, магнитола утащили, все поснимали, вплоть до ковриков. Ну, вообще все.

– Думаешь – она?

– Зачем ей коврики и «дворники»? Скорее, уличная шпана потрудилась. А она просто бросила там тачку и ушла.

– Ну, и фиг с ним, со стеклом, – утешал его Сергей. – Новое поставишь. Магнитола жалко, но уж как-нибудь на новую разоришься. Долларов за шестьдесят купишь спокойно. Хотя бы и здесь! Главное – машина целая.

– Лучше бы она сгорела, – убито ответил Иван. – С плеч долой!

– Что ты болтаешь?

– К матери милиция приходила. Участковый и с ним еще какой-то тип. Спрашивали, где я, как меня найти. Мать, ясно, не знала. Я же ей не сообщаю, где живу. Это ментам не понравилось. Велели сразу, как я появлюсь, сообщить. Взяли координаты всей родни.

– А что они заявили? – Сергей тоже огляделся по сторонам. – Против нас ничего нет.

– Есть. Машина.

– Твоя, что ли?

– Да. Менты ее и нашли. Держись за стол, не падай! История простая. Предположительно из моей машины стреляли в одного типа. Мужик этот на телевидении работал, мать мне сказала где, но я уже не слушал. Понял? Заказное убийство – явное! И его сделали из моей «девяти точки».

Помолчав, он добавил:

– Я должен найти Алию. Мы летим домой. Я завтра же. Ты – через день. И там мы не встречаемся. Ты меня понял?

Сергей поник:

– Я говорил, что эта поганка устроит веселую жизнь... Пока дело не кончится, работать мы не будем. А дальше что? За тобой теперь будут присматривать...

– Там видно будет.

...А на другое утро Иван, впервые за последний год, явился домой. Ключей у него давно уже не было. Он нажал кнопку звонка и не отпускал ее, пока мать не открыла.

– Ванюша, ты?! – Она почему-то испугалась, увидев его.

– Привет, мам. – Он суеверно переступил порог с правой ноги и чмокнул мать в жирную от ночного крема щеку. – Ой! Чем это ты мажешься?

– Заходи, заходи, – мать суетливо запирала дверь, прикладывала ладонь к губам, пугливо разглядывала сына. – Ты все-таки приехал... Есть будешь?

– Буду. – Иван чувствовал себя неловко в тесной прихожей. Ему почему-то казалось, что квартира стала меньше, чем была. Мебель какая-то неузнаваемая, и неприветливо смотрит большое зеркало на стене... И мать другая. Морщинистая, сутулая... Старая.

– Яичницу? – спрашивала та, все еще не сводя с него испуганных глаз.

– С помидорами, мам?

– Сделаю. С помидорами, со свеженькими... Как ты любил...

Глаза у нее налились влагой, а он сердито поправил:

– И до сих пор люблю. Не говори про меня, как про покойника.

– Это я так, прости... Давно тебя здесь не было. Я уже забыла, когда...

– Вот пришел же!

Мать гремела посудой, открывала воду, хлопала дверцей холодильника. Суежилась без толку, нервничала, все у нее валилось из рук. Она делала завтрак, а он, стоя у окна в тесной кухне, рассматривал двор, откинув занавеску. Знакомый двор, большой. Раньше напротив не было ничего, кроме пустыря. На этом пустыре они пацанами жгли костры, гоняли мяч, курили, присев на корточки и озираясь, не идет ли кто из взрослых... Хорошо тогда было, свободно. А теперь там стоят два новых высотных дома. Прежние дружки – где теперь они? Домовой, Ваньтай, Косой? Теперь им всем за тридцать, здоровые мужики, женатые, наверное... И тополя во дворе подросли. А за углом его школа – желтая, облезшая. Вон виднеется ограда.

– Садись, кушай! – позвала его мать. – Только руки вымой.

Он усмехнулся:

– Ну, я же не маленький. Да, мам, я тебе привез кое-что, может, надо?

Он сбегал в коридор, расстегнул дорожную сумку, с трудом достал оттуда пухлый черный пакет. Резко запахло свежесделанной овчиной.

– Дубленка, – пояснил он. – Ма, иди сюда. Погляди, примерь.

Но мать не обрадовалась, не стала благодарить. Она стояла на пороге кухни, бессильно опустив руки, глядя сквозь сына.

– Мам, ну ты что? – обиделся он. – В конце концов, могу я тебе что-то подарить?

– Ты мне часто что-нибудь дарил, – как-то безразлично ответила она. – Никогда меня не забывал. Деньги приносил. Подарки привозил. Ванечка...

– Ну что?!

– Я всегда хотела спросить... Можно?

– Ну?! – Он раздраженно выпрямился, дубленка очень мешала.

– Ты... Кто?

– Тьфу ты! – разозлился он. – Человек я, мам! Твой сын! Чего тебе еще надо?! А?! Другая бы мать радовалась, ну, я не знаю – хоть бы спасибо сказала!

– Да я благодарна тебе, Ванюш, но...

– Чего – но?! Ну, чего ты все усложняешь?! Работаю я, понятно?! Ра-бо-таю!

Раньше у них тоже бывали такие объяснения. Мать никак не могла понять, откуда у ее сына деньги, чтобы менять машины, снимать квартиры, дарить ей подарки... Она пыталась задавать вопросы, но Иван всегда уходил от прямых ответов. Стоило ему повысить голос – и она сникала, отступала, и сцены кончались сами собой. Но теперь она не собиралась сдаваться:

– А кем ты работаешь? Кто ты по профессии?

– Мам! – поразился Иван. – Мне вот-вот тридцать стукнет! Работаю, зарабатываю! Тебе не все равно?

– Как мне может быть все равно?! – мать задохнулась от волнения. – Когда ты ушел из школы после восьмого класса, мне не было все равно! Когда ты попал в ту компанию, я тебя оттуда вытаскивала! Я тебя искала вечером на каких-то пустырях! Я в милицию бегала! Я...

Иван фальшиво поклонился ей в ноги:

– Спасибо! Спасибо, мам! За милицию спасибо! Вот спасибо, так спасибо!

Но она не слушала:

– Потом... Когда ты не желал работать... Появились какие-то ужасные девицы. Не могу забыть ту, белую, из овощного магазина... Испитая! Матерщинница жуткая! Лицо дегенератки! А тебе почему-то нравились именно такие! Нормальные девочки тебя не интересовали!

– Ма, это смешно! Я уже и не помню, о ком ты говоришь? Белая из овощного?

– От тебя пахло спиртным! – Та уже плакала. – Я хотела умереть, понимаешь? Умереть хотела! Я даже поехала к твоему отцу! Просила, чтобы он приехал, поговорил! Хоть как-то повлиял! Вспомнил, что у него есть сын! А он отказался – ему, видите ли, некогда!

Иван в сердцах бросил на пол дубленку:

– Ты к нему ходила?! Нет, правда?! Ты что, мам?! Зачем?!

– А ты не знал... А что ты вообще обо мне знал?! Что ты хотел знать?! – мать вдруг стала сползать на пол вдоль косяка, закрыв лицо мокрыми от слез руками. Она уже не говорила, только тихонько подвывала. Иван подхватил ее, поднял. Такая легонькая! Отвел в комнату, уложил на постель. Но та сразу села и яростно продолжала:

– Когда он нас бросил, мне предлагали снова выйти замуж! И не один раз предлагали! Разве ты это знал?!

Иван мрачно посмотрел на нее.

– Но я тебе даже не говорила! Я ведь даже не посоветовалась с тобой, как мне быть – принять предложение или нет? Я не хотела давать тебе отчима! Я не хотела, чтобы тебя кто-то

сломал... Ты был такой трудный мальчик, такой сложный... На всех огрызался, как волчонок... Все держал в себе! Я решила – нет! Будем жить вдвоем, ты да я... Наверное, ошиблась... – Она вытерла глаза. – Уж не говоря о том, как мне трудно было одной... Нет, тебе тоже нужен был мужчина, чтобы ты хоть кого-то уважал! Потому что на меня ты всегда плевал! Да!

– Мам!

– Сколько я унижалась! Сколько мучилась! Все было напрасно! Все! Ты не пошел работать! Я записала тебя на работу к подруге... Пусть это была фиктивная работа, но тебе там сделали трудовую книжку! Я взяла эту книжку и отвела тебя в вечернюю школу! Без книжки не брали! Я думала – мой сын умный мальчик, если не хочет пока работать – пусть тогда учится! Я мечтала, что ты все поймешь, постарайся ради меня... Дура старая...

Иван сидел на краю постели, сжав щеки кулаками и смотрел себе под ноги. Сердце билось тяжело и яростно. Он старался не слушать.

– И вот теперь приходила милиция... – проговорила мать. – Что-то они говорили... Про твою машину. Спрашивали, где ты. Я не знала.

– Мам, про этого, с телевидения, правда? – прервал ее Иван.

– Да. Мне этого сразу не сказали. Я сама узнала, у нашего участкового. Мы же с ним знакомы... Еще с тех пор, как ты с той компанией водился. Помнишь Дмитрия Александровича?

Иван фыркнул:

– Все тот же?

– Все тот же. Он уже на пенсию скоро уйдет. Сперва ничего мне не хотел говорить, потом рассказал. И тут ты звонишь из Эмиратов. Ванечка, но это же не ты сделал?

– Не я, мам.

Мать обняла его за плечи:

– Я знала, что не ты. Я и Дмитрию Александровичу так сказала.

– А он?

– Ничего не ответил... Просил только, чтобы я тебя нашла и к нему направила. Пойдешь к нему? Он хороший человек, разберется обязательно!

– Я пойду.

– Вот и правильно! – обрадовалась мать. – Если не ты – чего бояться?

– Все равно неприятно.

– Конечно, но что делать? Ванечка, а как же это с машиной вышло? Скажешь?

Иван махнул рукой:

– Да нечего говорить! У меня угнали машину. Как раз перед тем, как в Эмираты ехать. Кто-то воспользовался ею для убийства. Но это был не я!

– И тем более нечего милиции бояться! – Мать совсем просветлела лицом. – Если ты был в Эмиратах – как ты мог такое сделать?

– Действительно, – кивнул Иван. – Так что не переживай, мам.

– Ванюш, все-таки покушаешь? – Мать гладила его по плечу. – Голодный ведь.

– А ты дубленку примеришь?

Мать легко, как молодая, спрыгнула с постели и побежала в коридор. Принесла в комнату пакет, развернула его:

– Ой, какая прелесть! И цвет симпатичный!

– Да ты померь, может, плохо, – несколько самодовольно отмахнулся сын.

Мать надела обновку, застегнула пуговицы, покрутилась посреди комнаты:

– Замечательно!

– Ну вот, и носи на здоровье, – кивнул он. – Будет тебе тепло.

Она подошла, прижалась лбом к его макушке, прошептала:

– Ты же хороший у меня! Добрый!

– Да ладно, мам, – он старался не улыбаться. – Все будет нормально.

Он не собирался навещать участкового в то же утро, но теперь пошел. Мать что-то в нем разбередила, и ему хотелось скорее покончить с этой историей. Пусть хотя бы она успокоится, а что делать дальше – он сам решит. Дорога в отделение была ему знакома – ноги сами шли. Парень шел и усмехался: «Надо было хоть водки купить, выпили бы, вспомнили былое...»

Участковый был на месте, ждать его не пришлось. Иван стукнул в дверь, вошел:

– Ждали? Это я, Дмитрий Александрович. Лаврушин Ваня.

– Лаврушин?

Участковый разогнал рукой облако едкого табачного дыма, взгляделся...

– Точно, – протянул он. – Но я б не узнал.

– Неужели так изменился? – Иван старался говорить легко и нагло. – А вы каким были, таким и остались.

– Брось, я почти пенсионер, – самодовольно ответил тот. – Помнишь, как за тобой бегал? Теперь бы не догнал.

– А я б теперь и не побежал, – Иван тряхнул протянутую для пожатия руку и без приглашения уселся.

– Не побежал бы? – спросил Дмитрий Александрович.

– Да, ты и в самом деле изменился.

– А что мне бегать? Сам пришел.

– Мать передала?

– Да... Я ей как раз на днях звонил, она мне все рассказала.

– Мать у тебя хорошая. – Дмитрий Александрович подтолкнул к Ивану пачку дешевых сигарет: – Куришь еще?

– Я свои. – Иван достал «Давидофф» и положил пачку на стол: – Угощайтесь.

Участковый к сигаретам не притронулся. Он посмотрел на пачку, на куртку Ивана, кивнул:

– Солидный стал.

– Дмитрий Александрович, – раздраженно ответил Иван. – Я к вам вообще-то по делу пришел, а не на вечер воспоминаний. У меня машину угнали, мать сказала – вы нашли.

– Нашли. А еще что тебе мать сказала?

– Ничего хорошего. Будто из этой машины в телевизионщика какого-то стреляли. Это правда?

– Правда.

– Ну, так это был не я! – Иван бросил на стол загранпаспорт. – Смотрите.

– Это еще зачем?

– Да вы смотрите! – Иван схватил паспорт и раскрыв его, указал пальцем нужную страницу: – Видите? Вот визы!

Там красовались две овальные печати с арабской вязью. В центре красной печати значилось: «16 NOV 1997», в центре синей: «19 NOV 1997».

– У меня угнали машину вечером пятнадцатого, – объяснил Иван. – Утром шестнадцатого я был в Эмиратах. Девятнадцатого, то есть сегодня, вернулся. Не нравится такой поворот?

– Ты, Вань, мне свой паспорт не тычь, – спокойно ответил участковый. – И не мельтеши, поговорим спокойно. Я же не утверждаю, что это ты.

– Но думаете!

– Э, брось. – Участковый закурил. – Я этим делом не занимаюсь, сам понимаешь. Но машина в деле твоя, Вань. И это пока наша единственная зацепка. Так что придется тебе понервничать, пока мы тут все не выясним.

– Машина моя где?

– Ее пока еще работают.

- Пальчики снимаете?
- Все, что можно, с нее уже сняли, – пошутил участковый, но Иван даже не улыбнулся. – Да, Ванюш, тебе не повезло. Но ты все же не дергайся, я к тебе претензий не имею.
- Я хочу знать – когда телевизионщика убили? – Нервно спросил Иван.
- Тебя это не касается, Вань. Убили его вечером шестнадцатого, когда ты там загорал в Эмиратах. Так что успокойся.
- Ладно, хоть так. А то вы недорого возьмете – пришьете мне дело...
- Выпить хочешь? – неожиданно спросил участковый, отдергивая замусоленную желтую штору и беря с подоконника бутылку. На дне плескались остатки водки.
- Да я, честно говоря, думал захватить сам, – сильно смутился Иван. Его даже бросило в краску. – Но потом...
- Передумал, понятно. Ну, а мы вчера одного из наших поминали, – участковый достал стаканы, разлил водку. – Молодой парень, вроде тебя. Хулиганье нож под ребра сунуло. Давай. Они выпили. Закусывать было нечем. Иван тоже закурил. Он все еще не понимал, чего от него хотят.
- Где сейчас живешь? – спросил Дмитрий Александрович.
- Так... Снимаю.
- Договор есть?
- Какой еще договор?
- Участковый покачал головой:
- Здоровый парень, пора бы знать, что квартиру надо снимать с договором.
- Мне хозяин про договор ничего не говорил, – возразил Иван. – Я бы подписал, если надо. Но он не просил.
- Ясное дело, неохота в налоговую инспекцию ходить. Где снимаешь?
- Иван слегка подумал и ответил:
- Сейчас уже нигде. У матери живу. А снимал на «Каширской».
- Там и машину держал?
- Да, во дворе стояла.
- А нашли ее наши ребята возле метро «Автозаводская». Получается, недалеко на ней уехали.
- Дальше, чем надо, – хмуро ответил Иван. – Теперь хлопот не оберешься.
- Ты сказал, машину вечером угнали?
- Да.
- Как время узнал?
- Да я выглянул вечером в окно – поглядеть, там она или нет. Спустился, туда-сюда прошелся – нету.
- Почему в милицию не обратился?
- В Эмираты собрался, отдохнуть. Не хотел задерживаться.
- Богатый стал? – Прищурился Дмитрий Александрович. – Тебе уже и на машину плевать? Другой бы сдал путевку и стал искать свое имущество.
- Я не богатый, просто не люблю зря суетиться. Какая разница, когда искать начнут? Через три дня или сразу?
- Разница большая. Это тебе повезло, что машина нашлась.
- Нечего сказать – повезло!
- Дай свой адрес на «Каширской», – потребовал участковый.
- Я же сказал – больше там не живу.
- Все равно – дай. Соседей надо опросить. Может, видели, кто машину угнал.
- Иван наморщил лоб, вздохнул:
- Ну ладно. Пишите.

Он продиктовал адрес – не вымышленный. Иван действительно, снимал там квартиру перед тем, как переехать на «Сокол». И ключи до сих пор были у него в кармане, хотя там они с Сергеем давно не появлялись. Уплачено было вперед, хозяин не должен был беспокоить еще месяц как минимум. Так что Иван был спокоен – пусть ищут, что хотят.

– Еще что от меня надо? – спросил он.

– Да ты не торопись, – участковый с сожалением посмотрел на пустую бутылку. – Уж пришел, так поговорим. Ты чем занимаешься?

– Работаю.

– Если не секрет – где?

– Это тоже для дела надо?

– Да нет, – Дмитрий Александрович, видно, слегка обиделся. – Просто интересно знать, что выходит из таких пацанов, каким ты был. Старый я стал. Занудный.

– Ничего особенного. Работаю...

– Матери помогаешь, как я слышал?

– От нее слышали?

– И от соседей. Я же до сих пор по участку хожу.

– А что это вы по службе не продвинулись? – спросил Иван. – Я вас лет двенадцать знаю, а вы все на том же стуле сидите.

– Каждому свое, – отмахнулся тот. – Зарабатываешь ты неплохо, значит. Что ж квартиру не купишь? Или не удастся потребности урезать? Если деньги на ветер швырять, то всю жизнь будешь по съемным хатам шататься. А нужен свой дом, свой!

– А не хочется мне иметь свой дом. Лучше снимать. Ответственности меньше. А купишь, начнешь думать – какой ремонт сделать, какую мебель купить, унитаза чтоб лучше, чем у соседа, и прочее, прочее... – с вызовом ответил Иван. – Мне это не нужно. Я не ради мебели существую.

– Существуешь... Хорошо сказал.

– Ой, да хватит мораль читать! – разозлился парень. – Надоело!

– А ты не злись. И спросить тебя нельзя? – Участковый говорил с ним точно так же, как много лет назад, и это раздражало Ивана. Неужели совсем ничего не изменилось в расположении сил? И он – все тот же затурканный, бесправный пацан, которого все учат жизни? Он постарался взять себя в руки и смолчал. А Дмитрий Александрович продолжал спокойно расспрашивать:

– Не женился?

– И не собираюсь.

– Почему?

– А опять же – меньше проблем.

– То есть тоже кого-то снимаешь? На время? – спросил тот. – Невесело получается... Что-то не то ты делаешь, Иван.

– Ну, а это уже мое личное дело, – отрезал парень. – Мне все-таки не шестнадцать лет, поздно указывать.

– Ну, прости, если я по старой привычке что не так сказал. С женитьбой, конечно, дело твое. Это у меня, наверное, уже старческое, люблю давать ненужные советы. – Участковый протянул руку: – Иди. Не думал, что ты придеешь.

– Подозревали, значит?

– Не в этом дело. Раньше бы ты, точно, сам не явился. А ты вон какой стал! Смотреть приятно – серьезный, деловой, при деньгах!

Иван слушал молча, не перебивая. Ему не нравился тон, каким хвалил его участковый, хотелось заорать, грохнуть кулаком, и может, даже не по столу... Но он сдерживался. Из

последних сил. Чувствовал, что тот издевается, но терпел. И участковый выдохся. Он закончил беседу:

– Молодец, что пришел, мне теперь спокойней будет. Так ты теперь у матери?

– Да. – Иван встал. – Вы бы ее успокоили, что ли. Она прямо из себя выходит. Скажите, что все нормально, меня не подозревают.

– Лучше бы ты ее сам успокоил, – нахмурился участковый. – Если за мать переживаешь.

Иван молча вышел. Постоял на улице, покурил возле крыльца. Вокруг мелькали люди в форме, слышались переговоры по рации. Но его подобная обстановка не раздражала. Он их не боялся. Ему было все равно. К матери идти не хотелось. Дел никаких не было. Ему подумалось, что ближе к вечеру, когда стемнеет, стоит наведаться в последнюю квартиру, на «Соколе». Прибраться, бросить ключи в почтовый ящик. Все равно им с Серегой там уже не жить.

Он плохо выспался – всю ночь проворочался в гостиничном номере, вставал, пил сок из холодильника. Серега на него ругался, он не слушал. В самолете тоже заснуть не удалось. От резкой смены температур ломило в затылке – сказывался полученный удар. И самое плохое – Алия не выходила из головы. «Найти ее надо, – думал он. – Что это за притча с телевизионщиком?» Он поискал киоск Респечати, накупил газет. Киоскерша даже нашла ему номер «МК» двухдневной давности. Иван шел по знакомой с детства улице, выискивая подходящее место, чтобы посидеть, выпить, просмотреть прессу. И ничего тут не узнавал.

Наконец удалось найти что-то подходящее. Раньше в этом доме была кулинария. В детстве он любил тут покупать пирожки с печенкой – теперь бы к ним и не притронулся. Иван рассмотрел через витринные стекла что-то похожее на барную стойку и зашел. Он увидел белые пластиковые столы, такие же стулья, прилавок, над которым высились пирамиды из пивных банок. Взял пива, вареных креветок и расположился подальше от входа, чтобы не дуло в спину. Как он и ожидал, в газетах почти ничего о деле не оказалось. Да и что там могло быть через три дня? Только в номере «МК» удалось прочитать небольшую заметку о том, что выпускающий редактор какого-то ток-шоу был убит вечером шестнадцатого ноября, на улице, во время вечерней прогулки с собакой. Иван никогда не слышал о таком шоу, имя редактора ему ничего не говорило. Больше в газете подробностей не было.

– Вань, ты, что ли?

Перед его столиком маячила какая-то женщина, он давно уже обратил на нее внимание. И та, в свою очередь, приглядывалась к нему, просто глаз не сводила. Лет тридцати с хвостиком, насквозь обесцвеченная блондинка, розовое, чуть пороссячьего очерка личико, густо подрисованные черным карандашом глаза.

– Вань, ты меня не узнал? – Женщина радостно придвинула к себе свободный стул. – Ну надо же! Я – Галка, Галку, что ли, забыл?

– Галку? – Иван все еще не мог ее признать.

– А картошку на пустыре пекли – помнишь? – приставала она. – А у кого картошку брали? Забыл? Я же из овощного вам носила!

– О, господи боже... – выдохнул он. – Ты, что ли, Галка?!

– Ну!

Баба полезла к нему целоваться, и парень в ту же секунду понял, что она пьяна. Вдрызг, в стельку. Ее повело над столиком, и чтобы не упасть, она принялась обнимать Ивана за шею. При этом она дышала ему в лицо какой-то дрянью и приговаривала:

– Золотые же вы мои мальчики, сколько воды утекло...

– Водки, сказала бы лучше, – он резко снял с себя цепкие руки и заставил ее сидеть прямо. – Ты что – тут работаешь?

– Ну, – она смущенно оправдала свой белый, в крупных пятнах халат. – Этой, ну, посудомойкой. А что? Тебе низко теперь со мной посидеть?

– Почему же?

– Тогда стой, я живенько принесу... У меня там есть...

Она с трудом встала и удалилась за стойку. Хлопнула дверь, вздрогнули пивные пирамиды. Иван подумал, что пора уходить, но не мог заставить себя встать. Свидание с прошлым, которое началось ранним утром, явно затягивалось. А он-то думал, что его здесь никто не узнает...

Галка появилась очень довольная, вооруженная бутылкой «Столичной» и двумя пирожками на тарелке.

– Угощаю, – она поставила все это перед ним. – Вылей ты это пиво! «Хольстен», тоже мне. Знаешь, как мы его разбавляем?

Иван отодвинул кружку, оторвал креветке голову, высосал сладкое мясо. Разговаривать с Галкой не хотелось, да и о чем было говорить? Да, был в их жизни пустырь, а на пустыре каждый вечер загорались костры. Мальчишки сидели там, пекли на прутиках картошку, поджаривали унесенный из дому хлеб. Тут же грелись у огня своры бродячих собак. Все взрослые в районе этих собак боялись, а вот мальчишки – нет. Их псы не трогали, чувствовали – это существа той же породы.

Как-то мальчишки, и среди них Иван, засиделись до полуночи. Костер давно прогорел, но было не холодно – начало лета. Иван курил, с удовольствием пуская носом дым. Его лучший друг, Косой, ворошил палкой угли, отыскивая пропавшую картофелину. Он надеялся, что ее еще можно съесть – может, не вся сгорела. Кто там еще сидел, Иван уже не помнил. И вдруг в темноте бешено залаяли собаки. Мальчишки насторожились. Они знали – на пустырь пришел кто-то чужой. Их-то собаки знали как облупленных. Значит, за кем-то идут родители, или пьяный забрел, или милиция, или – что еще хуже – взрослая шпана...

– Ни хрена не вижу, – Косой вскочил и всматривался в темноту. – Вроде кто-то идет. Вон там, у заборов, видишь?

И тогда Иван тоже увидел ее. К тлеющим углям костра нетвердой походкой шла женщина. То ли больная, то ли пьяная – то быстро шла, то вдруг резко останавливалась, словно в нерешительности, снова делала несколько кривых шагов. Мальчишки затаили дыхание, глядя в ее сторону.

– Бухая, – шепнул Косой.

Женщина наконец приблизилась настолько, что они рассмотрели ее лицо.

– Пацаны... – жалобно сказала она. – Закурить не будет?

Сигареты были у многих, но Иван всех опередил. Он протянул ей пачку, та, пошатываясь, мотая белокурой головой, вытащила сигарету... И вдруг схватила Ивана за плечо горячей рукой. Он чуть не отпрыгнул, но потом понял – она это сделала, чтобы устоять на ногах.

– Мерси тебе огромное, – сказала женщина. – А огонечка не будет?

Иван зажег спичку. Когда та прикуривала, он ее рассмотрел и понял – она ненамного их старше, всего-то лет восемнадцать, наверное. И в свете догоравшей спички она показалась ему очень красивой... А молодая женщина, подняв к нему лицо, улыбнулась ласковой, пьяной, мягкой улыбкой:

– Хорошенький... Блондинчик... Тебя как звать?

– Иван, – сквозь зубы ответил он. Дружки начали завистливо посмеиваться. Ванька – хорошенький! Блондинчик!

– И-ван? – переспросила она. – А я – Галка. Я тут рядом, в овощном работаю... Ну, чего ты?

Она все еще опиралась на его плечо. Друзья все еще посмеивались. Больше всех старался Косой – он очень переживал. У Ивана в горле пересохло. Он про эту Галку знал, что та никому не отказывает. Значит, можно попробовать?! Он сто раз слышал, как дружки похваляются друг перед другом своими сексуальными приключениями, но не верил. Где, спрашивается, те девчонки, о которых они говорят? Каждый раз оказывалось, что девчонки эти живут где-то

далеко, в другом районе, или вообще из Москвы уехали. Чепуха, одним словом. Сам он на этот счет ничего не выдумывал, у него девчонки еще не было. Иван набрался смелости и сказал:

– Пошли, я тебя провожу.

– Куда? – удивилась Галка.

– А куда тебе надо?

– Пошел ты... – она вдруг отпустила его плечо и разом села на землю. – Никуда не пойду.

Плохо мне. Водички нету?

Вода у ребят была, да ее выпили под картошку. Ни капли не осталось. Все переглядывались, пока Косой не сказал:

– Вань, принеси ей воды.

– Почему я?

– У тебя дом рядом.

– А у тебя не рядом?

– Мне отец так вмотит, если я сейчас приду! Сам знаешь! – Косой ухмылялся. – А у тебя только мать, что она сделает?

Иван-то знал, что может сделать мать. Она начнет плакать, и он, скорее всего, останется. Но Косой был прав. Тому сейчас, в самом деле, нельзя домой. Рано. Вот когда отец выпьет свои законные поллитра и завалится спать, тогда Косой вернется. А другие пацаны жили не так близко. Он решил:

– Ладно, схожу. Только не уходите отсюда, поняли?

– Ясное дело, дождемся, – ответил Косой.

Галка икнула, стыдливо закрыла рот ладошкой:

– Ой, ну что за гадость...

Иван бросился в темноту, прочь от костра. До самого дома он бежал, не переводя духа, как будто что-то случилось, надо Галку спасать. Ключей у него своих не было, пришлось позвонить. Открыла мать, и сразу начала:

– Еще позже ты прийти не мог, конечно?

Но он ее не слушал:

– Да ладно, ма, я сейчас...

Он бросился на кухню, схватил какую-то банку, открыл кран. В банку с шипением бежала ледяная вода, а мать, стоя за спиной, выговаривала:

– Сырую воду пить нельзя! Кипяченая в графине!

– Да ладно, ма, – он попытался проскользнуть в коридор, но мать загородила ему путь:

– Опять туда?! Опять к этому жуткому Косому? К своим приятелям?!

– Опять! – Он все же вывернулся и выскочил на лестницу. И вот он уже на пустыре.

Бросается туда-сюда, ищет, зовет... Но угли догорели. И где теперь сидят ребята – не поймешь. Наконец он услышал голос Косого:

– Ты, Вань?

– Я! А... Она где?

Косой выступил из темноты, его лицо озарил огонек папиросы.

– Да где же она? – почти выкрикнул Иван.

– В кустах. Там, где покрывки старые валяются, – Косой показал за спину. – Иди, она ждет.

Иван ни о чем его не спросил, но по смущенному лицу Косого, по его виноватому голосу все понял. Его опередили... На подгибающихся ногах он прошел к кустам, раздвинул их, позвал:

– Ты тут, Галя?

– А? Здесь я, здесь... Иди сюда... Ты кто, а? Который?

Он вдруг ощутил на своем лице прикосновения ее горячих мокрых пальцев. Мокрых? Почему? Ведь дождя давно не было, земля сухая. От ее пальцев резко пахло чем-то животным, и этот запах был ему противен. Он сунул ей банку и услышал, что она жадно пьет, захлебываясь, булькая, постанывая от удовольствия. Наконец бульканье затихло. Галка спросила уже более осмысленным голосом:

– Это ты, Ванечка?

– Я.

– Иди ко мне. Ты что – боишься?

Он опустился на колени, нашарил рукой ее плечо, потом шею, потом полную грудь. Она хихикала и повторяла:

– Смешной какой, ну, давай, пошли ко мне...

Домой он вернулся на рассвете. С Косым он не поссорился. Иван себе сказал: «Еще чего – терять друга из-за какой-то...» А Галка была именно «какая-то». Он в нее не влюбился – не получилось. Когда понял, что она изменила ему, не дождалась, то разозлился только на нее, а не на дружков, которые воспользовались моментом.

Галка к ним стала часто ходить. Она работала в овощном продащице. Весь день вешала картошку, свеклу, апельсины. Выпивала в подсобке, курила прямо за прилавком, никого не признавала, материла покупателей. Особенно обожала обложить крупным, крепким матом военных и милиционеров. «Эти – самые тупые, – говорила она. – Уж это – конец света...» Ее не увольняли, потому что Галкина мать работала в том же магазине уборщицей. Когда-то стояла за прилавком, но по причине беспробудного пьянства была снята с должности – нахамила, кому не надо было, из начальства... Но друзья в магазине жалели пьянчужку и терпели ее беспутную дочку. Отец у Галки пребывал в местах не столь отдаленных. Раз в полгода мать паковала передачи, покупала плакатный билет и катила в Туву, на свидание. Возвращалась опухшая от слез и водки и несколько дней не работала, поучала Галку, как надо жить, чтобы не попасть в лагерь... И красиво запевала любимую песню: «Ты помнишь тот Ванинский порт?!»

А Галка стрелялась от таких поучений и удирала из дома, куда придется. На пустыре ей нравилось. У ребят с ее легкой руки завелась выпивка. Выручала складчина. Косой всегда мог вытянуть у отца рубль-другой, когда тот уснет, прочие тоже поворовывали у родителей. Иван от них позорно отставал. Ему тоже надо было скидываться в общий котел, только вот у матери он брать не мог. Все решил случай... И как раз с подачи Галки.

Как-то в сумерках ребята шли по пустырю – костер разжигать. Бутылку они уже приобрели, Галка принесла картошки, колбасы... Впереди, среди желтой осенней травы, замаячил какой-то ворох тряпья. Сперва подумали – кто-то старое пальто выкинул. Подошли ближе и увидели – на земле лежит и спит пьяным сном мужик. Рассмотрели его, потолкали ногами, посмеялись – хорошо уделался дядя! А Галка вдруг опустилась на колени и, ни слова не говоря, стала лезть к пьяному в карманы. Ребята ничуть не смутились. Какая разница, у кого брать – у отца с матерью или вот у такого? Иван тоже молчаливо одобрил ее поведение. Он бы и сам так смог – уж очень надоело выпивать за чужой счет. Из-за этого падал его авторитет – а ведь он был среди дружков самый сильный и рослый... Раньше его уважали, а теперь?

Он прикрикнул на Галку:

– Не лезь, я сам!

Оттолкнул ее и быстро, как будто занимался этим всю жизнь, обшарил пьяному карманы. Сперва нашелся скомканный носовой платок, который Иван с отвращением выкинул. Потом обнаружилась помятая пачка «Примы». Ее он отдал ребятам. Его разобрал азарт – что он еще найдет? Следующим призом был кошелек. Потрепанный такой коричневый кошелечек. Иван отстегнул кнопочку, заглянул.

– Есть кое-что, – сказал он и сунул кошелек в карман. В свой карман, разумеется.

И тут пьяный вдруг зашевелился. Разомкнул опухшие губы, забормотал что-то, приоткрыл один глаз... Увидел Ивана:

– Сукин сын, пошел на ...

Косой засмеялся. Галка хихикнула. Иван их уже не слышал. Откуда взялась эта холодная ненависть к пьяному? Ведь он видел его первый раз в жизни. И разве так уж сильно на него обиделся? Все случилось как-то само собой – нога Ивана поднялась и с силой опустилась на лицо жертве. Тот вскрикнул, а ребята разом замолчали. Тишина за спиной опьянила Ивана. Он бил пьяного ногами, расчетливо, безжалостно. Нет, он его не просто бил. Он его УБИВАЛ.

– Хватит, Вань! – Косой схватил друга сзади под локти, попытался оттащить.

Иван двинул ему локтем в живот так, что Косой отскочил и крикнул:

– Да ты ж убьешь его!

– Убью! – подтвердил Иван и нанес пьяному еще пару ударов. Но это было уже лишним – тот не шевелился. И тут Иван на него посмотрел. Когда бил – не очень-то рассматривал. А теперь увидел, что сотворил, что можно сотворить с человеком... Он круто развернулся и пошел прочь. И не оборачивался. Страшно было подумать, что ребята за ним не пошли. Значит, он останется один. Навсегда один.

– Вань!

Его догонял Косой.

Иван остановился, обернулся. Он был готов к любому ответу. Сейчас он бы врезал даже Косому. Но тут же его мышцы расслабились, и стало так хорошо, так спокойно... За ним шли ребята. Все до одного. И Галка бежала следом, и она ему даже улыбалась – как будто обращая дело в шутку.

– Ваньк, не переживай, он живой, паскуда. Мы его пошевелили, отдышится, ничего, он здоровый... – Косой сплюнул, вынул трофейную пачку «Примы», спросил: – Покурим?

Иван с наслаждением затянулся едким дымом, ребята мигом расхватили пачку всю, до последней папироски. А Косой, пуская дым через нос, важно, по-взрослому рассуждал:

– Так ему и надо. Правильно вмазал! Не будет сюда лазить. Не нужны тут чужие! Вон ребята из соседнего района никого на свою территорию не пускают. А у нас что?

Иван достал кошелек, открыл, пересчитал деньги.

И вот теперь Галка сидела перед ним. И ему совсем не хотелось ее видеть.

– А наших тут теперь никого нет, – пьяно улыбалась женщина. – Друг у тебя был, как его?

– Косой?

– Ага.

– И что с ним? – невольно заинтересовался Иван. – Куда он делся?

– А я откуда знаю? Пропал и все. И остальные тоже. Наверное, переехали куда-то... А я вот... Тяну свою лямку.

– А из магазина почему ушла? – вяло спросил он. Ему вовсе не хотелось этого знать, просто надо было что-то говорить.

– Там сделали ремонт, а моя рожа на таком фоне не смотрелась. Ясно? – сердито ответила Галка.

– Да ты пей, пей! – И он налил ей еще водки. Сам Иван не пил.

Галка наконец обратила внимание на ворох газет, лажавший на краю стола. Удивилась:

– Это твое?

– Мое.

– Читающий стал? Серьезный?

– Да нет. Настроение было, вот и купил. Забери.

– А пиво можно допить? – спросила она, без спроса ухватываясь за кружку.

– На здоровье. Ладно, Галь, я пошел.

Он встал и, не обращая внимания на ее просьбы «посидеть еще!», вышел, оставив на столе все газеты и недопитое пиво. Галка, слава богу, была уже в таком состоянии, что пойти за ним не смогла, хотя очень хотела...

На углу улицы Иван обнаружил исправный таксофон – в этом районе просто чудо! Поколебался, достал жетончик и накрутил номер...

– Мам, – сказал он, когда услышал знакомый голос.

– Все в порядке. Я был в милиции.

– Ты где? – тревожно спросила мать.

– У друга. Ночевать у тебя не буду.

– Но ты же обещал...

– Мам, прости. Я уже отвык. Вещи у тебя постоят, ладно?

Она еще что-то говорила, но Иван уже сказал «пока» и повесил трубку.

Глава 3

Ирина, жена погибшего редактора ток-шоу «Перевертыши», только что вернулась с кладбища. Мужа похоронили... Так быстро, так поспешно! Эта поспешность казалась ей позорной. И она никак не могла прийти в себя, понять, что его больше нет и не будет. Три дня назад он еще был здесь, с ней... Как всегда, приехал с работы в начале первого часа ночи. В газетах написали – был убит шестнадцатого. А на самом деле – семнадцатого, в час ночи. Но она уже никого не поправляла – разве не все равно? Муж приехал, поднялся в квартиру, она открыла ему дверь. Тот даже не переступил порога, сразу сказал:

– Ириш, прицепи Плюшке поводок, я с ней пробежусь. Она прицепила поводок к ошейнику Плюшки – любимой собаки, старой белой болонки с кривыми ревматическими лапками. Он взял собаку и ушел. Минут через пять она, разогревая на кухне поздний ужин, услышала на улице громкий звук. Похоже было на выстрел. Чайник давно искипелся, она его выключила, а Костя все не возвращался. Потом она услышала за входной дверью собачий лай и громкое царапанье когтей. Бросилась открывать... Плюшка была одна, поводок волочился за нею по бетонным ступеням лестницы. Собака влетела в квартиру и забилась в дальний угол. Никакими силами нельзя было ее оттуда вытащить. Ирина выглянула в подъезд, позвала мужа:

– Костя?

И еще раз покричала, но негромко, чтобы не разбудить соседей. Она уже в тот миг поняла – что-то случилось. Набросила на халат пальто и прямо как была, в тапочках, побежала вниз. На улице – пустота, в лужах блестят огни фонарей. И ни души, никого. Она побежала направо, налево, металась туда-сюда, не понимая, где его искать, куда он пропал. И нашла его наконец за торцом дома. Он лежал под стеной, повернувшись на живот, согнув ноги. Подумала сперва, что у него плохо с сердцем или что упал, сломал ногу, руку...

– Костенька! – Она пыталась растолкать его, поднять, посмотреть в лицо. А муж молчал. Потом она увидела кровь – много крови. Поняла, что надо вызывать «скорую», милицию... Но как она могла его тут бросить? Одного?!

Потом она все же каким-то чудом оказалась дома. Как туда прибежала – не помнила. Стала звонить в милицию, потом в «скорую», потом опять в милицию, потому что ей казалось, что они очень долго не едут. Побежала назад, к мужу... Потом вокруг нее оказалось много народу. Мигали синие огоньки на машинах, слышались громкие переговоры по рации. Она стояла в ледяной ноябрьской луже, утонув в ней по щиколотку, и не чувствовала холода. Потеряла тапочек, наклонилась, нашла его, обулась, пошла домой. Вот и все. А потом был следователь, бессмысленные вопросы, звонки с телестудии, деньги, собранные Костиными сослуживцами. И такие быстрые похороны, все на скорую руку... Никто из его сослуживцев не остался на поминки, хотя она всех звала, на кладбище заглядывала каждому в лицо, говорила:

– Пожалуйста, зайдите...

Все ввали, отводя глаза, что срочная работа, что они не смогут, что теперь, когда выпускающего редактора нет, наваливается новый груз забот... Она вернулась домой одна. И вот только теперь, стоя в пустой квартире, обнаружила, что Плюшка пропала.

Ирина ходила по квартире, искала в самых немыслимых местах, звала:

– Плюш, Плюш, Плюш... Ничего не понимаю! Плюшенька...

Она пыталась вспомнить, когда в последний раз видела собаку, когда с ней гуляла. В голове был полный сумбур. Сходила на кухню, где стояла Плюшкина еда. Проверила миску – полно засохшей гречневой каши. А когда она варила кашу? Как раз в тот день, когда Костю убили. Плюшка получила свежую порцию... И не успела ее съесть. Значит, собака убежала тогда же, вскоре после того, как вернулась домой без хозяина... Убежала с волочащимся поводком... Ведь квартира долго стояла открытой. А Ирине в ту ночь, конечно, было не до собаки.

– Еще и собака! – сказала она, и это как будто прорвало плотину – женщина опустилась на табурет и разрыдалась. Все эти дни не получалось заплакать, ходила, будто каменная. А вот теперь – удалось... Она плакала с наслаждением, она изголодалась по слезам, ей это было необходимо.

Зазвенел телефон. Ей не хотелось подниматься, вытирать слезы, отвечать. Но она все же сделала это. Услышала знакомый мужской голос:

– Ирочка, ты одна?

В первый момент она не нашлась, что ответить. Потом все же выдавила из себя:

– Ты что – газет не читал?

– А что? – удивился звонивший. – Война, что ли, началась?

– Хуже.

– Ир, что случилось?

– Костю убили.

– Костю?! – на том конце провода с трудом усваивали новость. – Твоего, что ли?

– Моего?! Он сейчас уже ничей! Ничей! Никому он не нужен! Никто из этих... Оттуда...

Даже на поминки не остался!

– Так ты одна? – настаивал звонивший.

– Да! – истерично выкрикнула Ирина. – Да, я теперь одна – радуйся!

И бросила трубку. Ее трясло, но слезы высохли. Она знала – тот придет. Не знала только, открывать ему дверь или нет. И в конце концов, чтобы не мучиться этим вопросом в последний момент, подошла к двери и отперла все замки. Оттянула в сторону защелку, зафиксировала ее и оставила дверь приоткрытой сантиметра на три. После чего вернулась в спальню, открыла шкафчик для постельного белья и вынула из-под стопки отглаженных простыней плоскую бутылку виски. Отвинтила крышку, присосалась к горлышку. Стало как будто полегче. К таким «утешениям» она привыкла уже давно, но алкоголиком себя искренне не считала.

Ирина легла на постель, закрыла глаза. Света она не зажигала. На улице почти стемнело, день выдался очень пасмурный, черный день. Во всех смыслах черный. Она замерзла на кладбище, и чтобы согреться, еще раз основательно приложилась к бутылке. Теперь ей было совсем хорошо.

– Ты с ума сошла?!

Она так и подскочила, услышав над собой резкий голос. Оказывается, ей удалось задремать, и она не заметила, как он вошел. Над кроватью маячило темное пятно, пятно потянулось к изголовью и включило настенное бра. Ирина зажмурилась, закрыла глаза ладонями, отвернулась:

– Убери!

– Ты с ума сошла, – повторил он, скидывая пальто и садясь рядом с ней на постель. – Открыла дверь настежь, я думал – тебя тоже убили!

– Глупости.

– Никакие не глупости, надо быть осторожнее! Что ты говорила про Костю? Это правда?

– Его убили. Это было во многих газетах. Ты прозевал такое событие... – Она села на постели, все еще стараясь отвернуться от света. – Голова просто раскалывается.

Он увидел бутылку рядом с ней на одеяле, поднял, поболтал, понюхал крышку:

– Виски?

– А ты думал – чай?

Он поставил бутылку на пол и слегка потрянул Ирину за плечи:

– Ты напилась?

– Ничуть. Я бы напилась, если б компания нашлась. Но никто с телевидения на поминки не остался. Саш, а ты как насчет этого? Помянем?

Он все еще держал ее за плечи и разглядывал в упор. Потом отнял руки, отвернулся, достал сигареты. Ирина услышала его голос:

– Как это случилось?

– Его застрелили. – Механическим голосом заговорила она. Эту историю ей уже пришлось рассказывать раз двадцать. – Он вернулся с работы, пошел с Плюшкой гулять и получил пулю в голову. Умер сразу. Кстати, Плюшка пропала.

– Не понял?

– Сбежала в ту же ночь.

– А... Найдется, – равнодушно бросил тот. – Собаки часто выкидывают такие штуки.

– Мне кажется, она убежала навсегда.

– Может, украли?

– Кому она нужна, такая старая? – возразила Ирина.

– И красотой не блистала... Ты лучше скажи, что обо всем этом думаешь?

– Ну, пулю в голову никто просто так не получает, – рассудительно сказал Саша.

– Следовательно думает так же. Спрашивал, не было ли у него врагов.

– А ты что сказала?

– Я ответила, что это предстоит выяснять им самим. Потому что я никого не знаю.

– Что ж, ответила так, чтобы не создавать себе лишних проблем. – Вздохнул тот. – Но ты на самом деле не понимаешь, кто и за что мог?..

– Откуда? – поморщилась она. – Я знаю одно – с тех пор как он пошел работать на телевидение, все у нас резко изменилось. И если раньше у него точно не было врагов, то теперь...

– Ну, понятно. В это лучше не лезть.

– А я и не лезу. Только это был не того масштаба теледеятель, чтобы кто-то с ним так разбирался. Да кто он был такой? И платили не так, чтобы много...

– И все же ты думаешь, это кто-то из тамошних господ?

– Ничего я не думаю. – Она прижалась лбом к его спине. – Сашенька, я так боюсь...

– Чего?

– Что это все будет продолжаться.

– И оставляешь дверь открытой? И говоришь следователю, что ничего не знаешь? Ирина! Ты что – даже мне не хочешь все рассказать?

Вместо ответа она всхлипнула. Тут мужчина наконец обернулся и обнял ее:

– Ну, прекращай. Не хочешь говорить – молчи. Только пеняй потом на себя!

– Знаю... Тебе все равно, что будет со мной. Ты бы даже хотел, чтобы я исчезла...

– Ну, это уже истерика! – рассердился он. – Знаешь, тебе лучше отсюда на время уехать. Уж это ты можешь сделать!

– Уехать? Куда? – горько спросила она. – К тебе, что ли?

Этот вопрос ему не понравился:

– Не надо иронизировать.

– А я и не иронизирую. Ты дал совет уехать, а я только спросила... Представляю, как бы обрадовалась твоя Наташа, если бы я приехала к вам с вещичками... А что? Может, это нам знак свыше, чтобы все разорвать?

– Ира, я тебя очень прошу! – Он сразу замкнулся, как всегда, когда она заводиła подобные речи. – Сколько мы об этом говорили?

– Много, ты прав. Но все же недостаточно. Помнишь, как мы прятались друг за друга, в первый наш год? Кому из нас сделать первый шаг? Кому первому поставить перед фактом свою половину? Видишь, я свой шаг сделала...

Она не ожидала от него такой реакции – он резко отодвинулся, глаза стали бешеными:

– Думай, что болтаешь!

– Это была шутка, – она едва шевелила помертвевшими губами. – Что – пьяная вдова не имеет права пошутить?

– Ты следователю такое не скажи!

– Не бойся, я ему даже про тебя не сказала. А ведь могла. Могла сообщить, что ты давно мечтал устранить моего супруга, чтобы жениться на мне. Только вот... Версия неправдоподобная. Ты ведь женат. И вообще – не такая уж я красавица, чтобы из-за меня убивать человека.

– Иришка, успокойся, – беспомощно попросил мужчина. – Прости меня...

Они были ровесники, в этом году им исполнилось по двадцать девять лет. Дни рождения они отмечали отдельно друг от друга. Саша – с друзьями из Киноцентра, которые знали Ирину, но не знали, в каких она отношениях с Сашей. Она – с двумя подружками, которые ничего о Саше не знали. Об их отношениях вообще мало кто знал. А длились эти отношения вот уже пятый год...

Саша и Ирина познакомились во ВГИКе восемь лет назад. Оба тогда учились на актерском отделении, но у разных мастеров. Ирина тогда носила гриву распущенных рыжих волос, спутанных в мелкие колечки. Грива доходила до пояса, и в ней сломалась не одна расческа. У нее была сухощавая, спортивная фигурка так называемого американского покроя, причем спортом она никогда не занималась, отчаянно курила и спокойно объедалась при каждом удобном случае. А вот Саша, напротив, был помещан на спорте. Невысокий, подвижный, веселый парень, не очень похожий на актера... Познакомились они на вечеринке в общежитии ВГИКа, на чьем-то дне рождения.

Ира тогда напилась. Напивалась она быстро и тогда начинала творить и говорить несуразные глупости. Потом ей всегда было стыдно.

– Ма-ла-дой человек! – кричала она, протягивая пустую кружку. – Я кого прошу?! Да, тебя, именно тебя, в белой рубашке! Налей вина, и дай мне вон тот бутерброд!

Парень, к которому она обращалась, беспрекословно выполнил ее требования и сел рядом, на казенную кровать с продавленным матрасом. Оглушительно играл магнитофон, «АББА» была слышна во всем коридоре. Ира хлебнула из кружки дешевого красного вина, поморщилась, и со словами: «Как можно давать гостям такую гадость!», выбежала из комнаты. Ей внезапно стало плохо.

Минут через двадцать, когда она умылась в туалете и привела в порядок платье, ей было уже невыносимо стыдно. Она протрезвела и голова постепенно прояснилась. Кажется, она орала, танцевала на столе, разбила несколько предметов сервировки, оскорбила подружку, назвав ее «Мерилин Монро е...я». Ну и что с того, что эта девчонка старается подражать легендарной кинозвезде? А кто не старается кому-то подражать? Ира с досады чуть кулаком по зеркалу не стукнула. У нее начинался похмельный приступ самокритики, когда все представлялось в черном свете... И в довершение всего ей придется сейчас вернуться в комнату, потому что она забыла сумочку, а без сумочки никуда не денешься. Там лежат все ее деньги, проездной, косметика, расческа, в которой очень нуждались ее волосы...

Ира обреченно побрела обратно. В коридоре неподалеку от той самой комнаты она увидела смутно знакомого ей молодого человека в белой рубашке. «Наверное, из той компании, – подумала она. – Надо воспользоваться случаем».

– Извини, ты мне не вынесешь мою сумочку? – спросила она его. – Хочу уйти по-английски.

Парень даже «ладно» в ответ не сказал – он просто вошел в комнату и через минуту вернулся именно с тем, что она просила. Ей даже не пришлось описывать сумочку, чтобы он не перепутал. А ведь так трудно описать какую-то вещь мужчине!

– Мерси, – она старалась не смотреть ему в лицо, потому что смутно помнила – с этим парнем она, кажется, тоже поругалась, или что-то в этом роде. Ира уже совсем собралась уходить, как вдруг он неожиданно предложил:

– Проводить тебя?

– А, не стоит... – Ей хотелось исчезнуть отсюда как можно скорее, а этот парень ей был совсем не нужен.

– Ну, все равно, пойдем вместе. – Парень был настойчив и не слушал ее слабых возражений. – Мне это все уже не нравится. Там началась дикая оргия. Скоро будут морды бить.

Они вместе вышли из общаги, и тут он снова проявил заботу:

– Поймать тебе машину?

– Мне? – удивилась она. На свежем воздухе Ира окончательно протрезвела и вспомнила – этот парень тоже может иметь к ней претензии, ему она тоже что-то такое сказанула... Вздыхнула и извинилась: – Ты прости, если я там, наверну, что-то... На меня иногда находит.

– Тебя Ира звать? – спросил он, вместо того чтобы принять ее объяснения.

– Да.

– А почему ты так трагично это говоришь? – улыбнулся он.

– Да нипочему, так... Настроение плохое. А тебя как звать?

– Саша.

– Ты тоже на актерском?

– Это надо понимать так, что и ты актриса? – переспросил он и взял ее под руку.

Это было кстати – физическая и моральная поддержка ей бы не помешала. Ира шла рядом с ним по вечерней Москве, стараясь не подвернуть ногу – в тот раз на ней были туфли на невообразимо высоком каблуке. В этих туфлях она была выше своего кавалера, но это ее не смущало. Она была выше не только кавалера, но и таких предрассудков. Она была вообще высокого мнения о себе. Особенно в тот вечер. На ней было новое джинсовое платье, бледно-голубое, на плече болталась черная сумочка на золотой цепи... Туфли были тоже черные, лакированные, на подкованных золотом «шпильках». Если бы ей кто сказал, что все эти вещи не подходят друг к другу, она бы страшно удивилась. Но в тот сумбурный год ее такие вопросы вообще не волновали. Да и денег на наряды не было, если уж на то пошло... Все это было не главное! А главное то, что она молода, красива и талантлива!

– А что – ты не заметил, что я актриса? – спросила она. – Видел, как я изображала пьяную?

– Ты была пьяной.

– Изображала! Конечно, я выпила – не отрицаю. Но я вовсе не была такой невменяемой.

– Знаешь, что я тебе скажу? – возразил он. – Если актер пьян, он никогда не сыграет пьяного. Получится полная чепуха.

Некоторое время они шли молча. Потом она стала колебаться – как поступить дальше? Принять его предложение поймать ей машину? Уехать домой? А если уехать, то как – с ним или без него? А если с ним – как отнесется к этому мама? А папа? Ой, нет, о папе лучше вообще не думать... Так она его к себе и не пригласила, и они как-то незаметно спустились в метро, где и распрощались. Потом они встречались во ВГИКе, здоровались, болтали на лестнице, ходили друг к другу на курсовые показы. Но дальше дело никак не заходило. Ирина в то время как раз переживала ряд любовных приключений.

Первое приключение было платоническим – она влюбилась в своего мастера. А мастер взаимностью не ответил. Она чахла, сохла, смотрела на него собачьими глазами, пока не сказала себе, что это глупость. И любовь немедленно прошла. Потом предметом ее увлечения стал парень с художественного отделения. Он водил ее к себе в мастерскую, где они часами целовались, потом выпивали бутылку вина и... Разъезжались по домам. Ей было как-то неясно, любовь это или нет? Потом она все же решила, что любовь, и в один прекрасный вечер поехала к нему на дачу, куда он давно уже ее звал.

Этот роман протекал бурно, у всех на глазах. У художника оказалась невеста – некая Валерия, не из ВГИКа, но с большими претензиями. Эта Валерия отравляла им жизнь, приез-

жая на дачу без приглашения, вламываясь к ним в мастерскую. Это была уже «их» мастерская. Кончился очередной визит Валерии очень некрасивой сценой... Ира с ней подралась, но Валерия ушла победительницей, унося в сжатом кулачке пару прядок рыжих волос. А художник, глядя, «как бабы цапаются», бешено хохотал, развалившись на поломанной тахте для натурщиков...

После этого Ира остригла свои злосчастные волосы, обесцветила их большим количеством перекиси и всему институту объявила, что любовь кончилась. В ту пору она пила больше, чем обычно, ей уже не нужен был повод и компания. Почти забросила учебу, мастер стал забывать сперва ее имя, потом – ее лицо. Ира нашла нового обожателя, никак не связанного с миром кино. Он приезжал за ней в институт на машине и увозил на весь вечер веселиться, пропивать шальные деньги. У него было несколько коммерческих ларьков на Ленинском проспекте и труднопроизносимое восточное имя... С Сашей она тогда совсем не виделась. Она даже забыла, что он есть на свете. Их столкнул очередной случай...

Это было незадолго до сдачи курсовых лент. Ира между пьянками и истериками успела сняться в короткометражной художественной картине одного из выпускников. Роль у нее была небольшая – она должна была изображать грубую официантку, которая обслуживает какую-то влюбленную пару в ресторане. Наступил день показа. Пришло много гостей, на первом ряду кинозала уселась приемная комиссия. Ира волновалась, хотя всем говорила, что ей наплевать. Среди гостей она заметила Сашу. Он на нее не обращал внимания, и она решила, что он ее забыл. Погасили свет, начался показ. Показывали три ленты, тот фильм, где снялась Ира, должен был идти третьим. Наконец, она дождалась...

То, что она увидела на экране, было так страшно, жалко и бездарно, что она закрыла глаза, чтобы не смотреть... Там, у всех на виду, всем на потеху, двигалась размалеванная идиотка в черном платье и передничке. Идиотка говорила фальшивым напряженным голосом, смотрела пустыми глазами, постоянно поворачивалась к камере задницей... Те грубости, которые отпускала идиотка, должны были всех рассмешить – ведь роль характерная... Завидная роль! Но никто не смеялся... От этой дуры всех должно было стошнить! И это была она!

Показ закончился, и студентов с гостями попросили выйти. В зале осталась только комиссия, чтобы принять решение, кому какие выставить баллы... Ира, едва оказавшись за дверью, рванула дальше по коридору, чтобы быстрее оказаться на улице, позвонить приятелю и выпить. Кто-то схватил ее за локоть, она резко обернулась...

– Не так уж плохо, – сказал Саша.

– Смеешься?! – рявкнула она. – Пусти, придурок! Пусти, говорю!

– Да ты что?! – поразился он. – Даже результатов не дождешься?!

– О, ну ты и дурак! – Ее корчило от стыда. Хотелось убежать, и все же первый запал уже исчез. – Какие тебе еще нужны результаты? Результаты были на экране!

– Да все нормально. Ты неплохо сыграла.

– Неплохо? И ради этого я училась?

– Да постой же, – он крепко удерживал ее за локоть, и она перестала вырываться. – Постой... Куда ты собралась?

– Никуда!

– Я пойду с тобой, ладно? Только результатов дождемся!

– Нужен ты мне! Нужны мне твои результаты! У тебя-то все прекрасно! – Она вдруг разревелась. Тогда он быстро отвел ее за угол, чтобы никто не видел этих слез и предложил:

– Уйдем вместе, прямо сейчас?

– Пошел ты... – она вытерла слезы и спросила: – Тушь потекла?

– Немножко. Ты очень красивая. – Это был первый комплимент, который он отпустил в ее адрес.

Она немного растерялась:

– Скажешь тоже... Красавица, мать вашу! Нашел время подлизываться. Все равно мне за красоту не выставят хорошего балла...

– Это не важно. Все равно сейчас в России фильмов никто не снимает. Чтобы сняться, нужны такие знакомства... Особенно нам – выпускникам.

– Ладно, это я наизусть знаю, – она уже совсем успокоилась и пришла в себя. – Что же получается – мы с тобой зря учились?

– Получается, что зря. Я теперь жалею, что пошел на актерский.

– Серьезно?

– Да. Хотя, знаешь, мне вроде бы дадут небольшую роль в сериале... В большом историческом, отечественном, но по Дюма... Только ты никому не говори, ладно? Пока это секрет!

Она ему не поверила. Но факт остался фактом – вскоре его действительно пригласили участвовать в одном проекте... Проект был большой, впечатляющий... И она увидела Сашу на экране. В роли... Лакея! Саша стоял с подносом в углу шикарно декорированной комнаты и был в кадре ровно полторы минуты... Потом, правда, он появился еще раз... В роли безымянного дворянина, проколото го шпагой...

Но все это было куда позже, года через полтора-два. А к тому времени их роман развивался полным ходом. Ира была уже замужем. Замужество произошло так стремительно, что она оглянуться не успела. Но замуж она вышла не за Сашу. А Саша... Саша женился. И тоже, естественно, не на ней. Все это было довольно дико, если учесть, что со своими будущими супругами они познакомились уже после того, как стали любовниками...

– Да ты что – сдурел? – растерянно спросила она, когда Саша сообщил ей, что вчера был в ЗАГСе. – Чего тебя туда понесло?

– А я там роль играл, – спокойно ответил он.

– Роль? Ты сейчас снимаешься? И кого ты там играл?

– Не поверила она.

– Жениха.

– Нет, правда?

– Правда. Я женился.

Она посмотрела на его пальцы. Кольца не было. Саша понял этот взгляд и пояснил:

– Не люблю обручальные кольца. Жене купил, а вот себе не стал.

Слово «жена» из его уст прозвучало так страшно, что она зажмурилась и простонала:

– Сашка, черт, ты что сделал? Я же собиралась с Костей развестись!

– Врешь! – Его серые глаза стали жесткими. Ей показалось, что он ее теперь ненавидит, и она совсем потеряла почву под ногами. Даже упрекать его больше не могла. Да и как она будет его упрекать, если полгода назад сообщила ему такую же новость – была в ЗАГСе, выступала в роли невесты... Он тогда учинил скандал. Не желал с ней встречаться. Не понимал, что ее побудило к такому шагу – ведь она даже не была беременна от этого парня...

А она сама не могла ему объяснить, что с ней случилось. Появился на горизонте некий Костя. Хороший парень. Симпатичный. Обеспеченный. Образованный. Смертельно в нее влюбленный. Родители говорили: «Торопись, пока в тебя еще может влюбиться какой-то дурак...» И она вдруг испугалась. Как и всем актрисам, и великим, и бездарным, ей был присущ дикий страх перед старостью, перед своим возрастом. И хотя она была молода, каждое утро выискивала на лице признаки увядания. Почему? Не знала. Психоз какой-то. Костя сразу предложил замуж. А вот Саша никогда о законном браке не заикался. Им просто было здорово вместе, тепло, хорошо и уютно... Но это было похоже на какую-то игру, на фильм про любовь. Вот они сыграют свои роли, уйдут со съемочной площадки... А что будет в реальной жизни – неизвестно...

– Саш, она что – беременна от тебя? – только и смогла спросить Ирина после долгой паузы.

– Да ты что? – цинично усмехнулся тот. – Она уже давно родила.

– Шутишь?

– Чистая правда. Помнишь время, мы с тобой познакомились? У меня тогда была девушка. Мы встречались, ну не железный же я. Она в меня влюбилась, можно сказать, сама напросилась... Потом я с ней расстался – надоела. А она мне вдруг сообщает, что беременна. Я отшучиваюсь. Она маму свою присылает, звонит, плачет по телефону... К институту ходила меня караулить, делала вид, что случайно мимо шла. Да много чего там было! Очень хотела, чтобы я женился, конечно. Но я отказался. Только деньгами изредка помогал. Когда у меня деньги были... У нее сын.

Он сказал «у нее сын», как будто этот ребенок не имел к нему никакого отношения. Ире неожиданно стало полегче. Она решилась спросить:

– Твоя... Твоя жена красивая?

– Хуже тебя, – последовал короткий ответ.

– А лет ей сколько?

– Какая разница? На год меня младше.

– А... Что же ты только сейчас женился? Ребенку-то, наверное, года три?!

– Два с половиной. А решился потому, что ты замуж вышла. Глупо все это было. Подумал – раз у нас с тобой не получается, пусть будет другая семья. А я вообще не думал жениться. Даже на тебе. Это я так... Со злости.

И с тех пор в ситуации ничего не изменилось. Ира так ничего и не сказала мужу, Саша не стал травмировать жену... Они встречались не слишком часто. Иной раз по две недели не виделись. Зато часто перезванивались. Ира не могла звонить ему домой – жена была слишком ревнива, устраивала сцены. Ведь она так долго добивалась звания жены, и теперь малейшая угроза семейному благополучию приводила ее в ужас. Саша теперь работал в киноцентре. На подхвате, что называется. Определенных обязанностей у него не было. Платили до смешного мало... Роль лакея в телесериале больших денег ему не принесла, и он не любил вспоминать об этом «успехе». Семью содержала жена, которая продавала обувь на оптовом складе.

Ира не работала нигде. Все ее появления на экране кончились со времен той дипломной работы... Никто ее никуда не приглашал, да она особо и не лезла в киномир... Тем более в российский киномир. Иру содержал муж, кое-что подкидывали родители. Ей было скучно. Денег мало. Делать нечего. Работы по специальности нет. Подруги есть, но надоели! Был только Саша. Была старая облезлая собака Плюшка. Ну, и Костя, конечно, был... И как ни странно, она его тоже любила. Как-то, напившись, она в слезах призналась Саше:

– Это так непонятно... Но я вас обоих люблю!

– Пропись! – посоветовал он ей.

– Нет, честно... Только его – по-другому... Не так, как тебя... Как-то спокойней...

– Только проститутки любят всех!

– Нет, нет... Проститутки, как раз, никого не любят, – возразила она. – А мне, можно сказать, очень повезло.

После этих слов он отвесил ей пощечину. Да, в последнее время Саша сильно изменился. Забросил свой спорт. Начал курить, да еще как – по пачке в день. Не отказывался от выпивки. Ходил, как оборванец, брился через день. Мог поднять на Иру руку... Когда она ему сказала, что муж устроился на телевидение, в новое ток-шоу, страшно завидовал. Да, он стал завистливым, грубым, неуравновешенным... Но она его не упрекала. Он все равно был ей необходим. Всегда. И особенно – теперь, в пустой квартире, откуда исчезли все – и муж, и собака...

– Как же она тебя отпустила? – спросила Ира, глядя на часы. – Ведь поздно...

– А я не заходил домой, – мрачно ответил он.

– Ну, так иди к ней. Ведь ждет!

– Не хочу. Могу остаться ночевать у тебя, если надо, – он все еще не смотрел ей в лицо.

Ира рассердилась:

– А я тебя не принуждаю! Можно подумать – это такая тяжелая ноша – сочувствие к ближнему! Да чем ты лучше его приятелей с телевидения?! Они все тоже его ненавидели!

– Серьезно? – спросил он, и она прикусила язык. Мужчина заинтересовался: – А следователю ты об этом не говорила?

– Нет.

– Надо было сказать.

– У меня нет никаких доказательств. Не хочу выглядеть душой. Достаточно глупостей... – И внезапно у нее вырвалось: – Саша, мне очень страшно!

– Это я уже слышал. Что ты скрываешь? Ты ведь что-то знаешь, кого-то должна подозревать! Не стреляют просто так в голову человеку!

Ира нервно передернулась, обхватила себя пальцами за локти, покачала головой:

– А незачем говорить кому бы то ни было. Все бесполезно.

– Ты считаешь?

– Да.

– Но при этом также считаешь, что и тебе грозит опасность? – настойчиво продолжал он.

И она решилась:

– Ладно, не хотела я тебе об этом говорить... Чтобы ты еще больше нам не завидовал. Понимаешь, Косте в какой-то момент надоело быть редактором. Он решил попробовать писать сценарий этого бездарного ток-шоу, тем более что сценарист приболел. Грипп у него случился. Заготовки у них были, конечно, и этот сценарист, хотя и в гриппу, все равно через каждые полчаса туда звонил, работал... А Костя написал свой сценарий.

Он напряженно слушал, не перебивая, пожирал ее жадными глазами.

– Я читала этот сценарий, – еще тише проговорила она. – Мне он не понравился.

– Почему? – выдавил он.

– А я скажу. Слишком все откровенно, не для нашего телевидения. Ты обращал внимание, что в этих ток-шоу все известно заранее? Все отрепетировано, все просчитано. Ты ведь помнишь, как построено это шоу, эти дурацкие «Перевертыши». Глупости, в сущности. Сперва появляется какой-то известный человек – артист, политик, ну, спортсмен какой-нибудь. Сидит этот несчастный, и помимо ведущего на площадке появляется кто-то, кто этого человека знает. И начинает о нем что-то рассказывать, якобы какие-то тайны. Смешно слушать – никакие это не тайны. Зал может задать пару вопросов участникам. Потом появляется еще один знакомый главного лица и начинает рассказывать о нем что-то прямо противоположное. Ну, если первый говорил, что это хороший семьянин, то второй вдруг вспоминает, что у этого человека пять штук любовниц. Зал охает, ахает... Ведущий делает вид, что слышит это в первый раз. Остренькая такая передача. Но насквозь фальшивая. Потому что ничего по-настоящему важного ни первому, ни второму свидетелю сказать не дадут. Так мало того, идея передачи содрана с других шоу, более известных.

– Ну, ну? – жадно подгонял ее Саша.

– А вот Костя решил внести новую жизнь в эту передачку. Он хотел, чтобы она стала по-настоящему острой. Он мне говорил, что если шоу будет и дальше делаться в таком роде, то скоро весь проект заглохнет... Я не знаю – ему виднее. Он показал свой сценарий начальству. Они, конечно, отклонили... Сказали ему, что не нуждаются в услугах другого сценариста и чтобы он лучше добросовестно делал свою работу и оставил свои планы при себе.

Она внезапно замолчала. Саша, не дождавшись продолжения, недоверчиво спросил:

– И это все?

– Все.

– Не может быть! Да это же чепуха! Его убили, ты понимаешь – убили! А он еще и шагу не сделал, он даже не дернулся! Его не за что было убивать!

– Я рассказала тебе только то, что он рассказывал мне! – отчеканила она.

– А есть еще что-то?

Она кивнула:

– Я выложила тебе все факты, которыми располагала. Теперь пойдут пустые слова. Мои мысли, мои наблюдения... Все, что я никому не скажу. После этой истории со сценарием он стал бояться. Не знаю, кого и чего. Но он боялся страшно. Ты же знаешь, что Костя всегда возвращался поздно. Как-то вернулся в третьем часу ночи – такого еще не было. Я спросила: «Как же ты добрался? Ведь метро уже не ходит!» А он сказал, что поймал машину. Это при его-то мизерных заработках, при его расчетливости!

– Мизерные заработки? А ты говорила, что он мечтал купить машину, – вставил словечко Саша.

– Теперь он никогда ее не купит. – Вдохнула Ирина. – Но, конечно, не это важно, а то, что он совсем в ту ночь не лег спать. Он стоял на кухне, при погашенном свете, и смотрел вниз, на улицу. Я уже спала, потом проснулась, уже на рассвете, под утро. Вышла в коридор, заглянула на кухню, тихонько позвала его... Ты бы видел, как он подскочил! Глаза дикие, больные... Я пыталась выяснить, что он там высматривал... Ничего не добилась.

– Может, ему просто не спалось? – предположил Саша. – Ты слишком впечатлительна. Ищешь повод испугаться...

– Да пошел ты! – разозлилась она. – Я что – Костю не знаю?! Не спалось ему?! Он приходил с работы, как выжатый, часто даже не умывался! Падал на постель и засыпал до часу дня! В тот вечер он выглядел еще хуже! Даже есть не захотел, так устал! И тем не менее торчал у окна всю ночь...

– Успокойся, – махнул рукой Саша. – Если это все, что ты можешь сказать...

– Не все! Ему часто кто-то звонил! – выпалила она.

– Он разговаривал с этим человеком так: «Да. Нет, я же вам сказал. Я же вам сказал, что ничего не хочу знать. Вы не имеете права предъявлять претензии. Вы ничего не докажете!»

Она так похоже изобразила отрывистую речь покойного мужа, что Саша развел руками:

– Актриса в тебе еще жива!

– А, плевать, – она закурила. – Эти звонки обычно раздавались днем, перед его уходом на работу. Он всегда был дома. Мне не удавалось снять трубку и хотя бы узнать, кто говорит – мужчина или женщина. Я даже этого не знаю – что я следователю могу предъявить?! Телефон у нас самый простой, без определителя, так что ему волей-неволей приходилось брать трубку... А он так не хотел говорить с этим человеком! Я видела, как ему тяжело, как страшно, как он психует... Однажды он сорвался и заорал туда: «Больше чтобы не звонили! Отвяжитесь от меня!» И бросил трубку. Никогда не видела его таким разъяренным. Но мне и тогда не удалось ничего из него вытащить. Он только и сказал, что это не мое дело. Когда я спросила, не с телевидением ли связаны эти неприятности, промолчал. А с чем еще это могло быть связано?

– С чем угодно, – возразил Саша. – А что ты вообще знала о муже?

– Что? – удивилась женщина. – Да все о нем знала, до последнего времени.

– Ладно, но про звонки с угрозами ты все равно могла бы рассказать следователю! Ты что – совсем милиции не доверяешь?

– Я бы рассказала... – замялась она. – Но боюсь, что он куда-то вляпался... А если начнется расследование, мне конец.

– Почему?!

– А почему умер он? Нет, я должна молчать. Я это чувствую! Я это поняла сегодня на кладбище... Саша, эти люди работали с ним вместе, наверное, не одну чашку кофе выпили в буфете, не один час проговорили по душам... А держались, как совершенно чужие. Никого из начальства не было. Пришли только люди его уровня... Начальство даже венка не послало. А

те, кто явился?! Саша, они пришли на кладбище только потому, что иначе неприлично. Они не желали туда идти!

– Знаешь, кладбище – это развлечение на любителя, – постарался он сострить, но тут же получил обжигающую пощечину:

– Не смей так говорить о нем!

Ирина будто с изумлением посмотрела на свою ладонь, нанесшую удар, прижала эту руку к глазам и истерично всхлипнула. Саша сидел на краю постели, как манекен – слишком прямо, с неестественной слабой улыбкой, с неподвижным взглядом.

– Так, – негромко сказал он. – Начинаешь идеализировать покойного мужа? В таком случае, мне лучше уйти. Я ему не конкурент. Я-то пока жив.

– И уходи! Уходи! – провизжала она, зарываясь в скомканную постель. – И никогда уже не приходи! Пусть я тут умру совсем одна, кому я теперь нужна, кому?! О-о-о, как я вас всех ненавижу, мужиков! Все вы сволочи, все, все!

Саша встал, но уйти не решился. Ждал, пока она переборет свою истерику. Побродил по комнате, отхлебнул из бутылки, посмотрел в окно. Шел десятый час, ничего не разглядеть в этой дождливой ноябрьской тьме... Женщина все еще всхлипывала, но слишком устала, чтобы закатить настоящую истерику. Он предпочитал подождать, пока та окончательно не придет в себя и хотя бы извинится...

Под руку ему попался маленький диктофон серебристого цвета, лежавший на туалетном столике. Он машинально взял его, покрутил перед глазами, увидел, что внутри есть микро-кассета. Нажал на перемотку, тут же раздался сухой щелчок, кнопка выскочила. Кассета была перемотана на начало до отказа. Тогда он так же машинально нажал на кнопку воспроизведения... И комнату вдруг заполнил ясный, резкий голос:

– Если вы хотите говорить о деньгах, тогда обращайтесь не ко мне. Я эти вопросы не решаю.

Пауза. Ирина подняла голову и испуганно посмотрела на диктофон. Саша нажал «стоп».

– Извини, – сказал он. – Я случайно включил.

– Это твой? – спросила она без особого интереса.

– Мой? Откуда? Он лежал тут.

– У нас никогда не было такого, – она встала, подошла, повертела диктофон, осмотрела его и пожала плечами:

– У Кости таких игрушек не водилось. Он же никогда не брал интервью... Ума не приложу, откуда это взялось...

– Ты что – первый раз это видишь?

– Первый... А что там за кассета? Давай послушаем? – предложила она.

Саша опять перемотал на начало и включил. Женщина взяла диктофон и поднесла его к уху.

– ...о деньгах, тогда обращайтесь не ко мне. Я эти вопросы не решаю. – Снова заговорил ясный резкий голос. – Предложение у вас интересное. Но денег под него вам вряд ли удастся достать.

– Вы считаете? – Это говорил Костя.

Ирина так вздрогнула, что чуть не уронила диктофон. Саша поймал его почти в полете и поставил на туалетный столик. Они слушали голос покойника, стараясь не смотреть друг на друга. Обоим почему-то было жутковато, будто они вызвали призрак...

– А я думаю, что мое предложение должно вас заинтересовать, – продолжал Костя. – Это уникальное предложение. Я пришел прямо к вам, потому что вам эти сведения дороже, чем другим.

– И я дороже за них заплачу? – без тени усмешки спросил резкий голос. – Я за них платить вообще не буду. Забирайте ваши бумажки.

Послышалось какое-то шуршание – как будто перед диктофоном листали бумаги. Потом Костя нерешительно сказал:

– Но вы должны понять, что в таком случае я пойду к другим людям...

– Я это понимаю. Вы, журналисты, не останавливаетесь на полпути, – ответил голос.

– Я не журналист.

– Мне безразлично, кто вы. Я вас не знаю. Больше уделить вам времени не могу.

– Мое дело было предложить, – отвечал Костя. – Если вы отказываетесь... В таком случае, вам не за что будет меня упрекать, когда эти сведения узнает кто-то еще. Первый, к кому я обратился, были вы!

– Убирайтесь, – спокойно ответил голос. Раздавались еще какие-то шумы. Кажется, женский голос, спрашивающий о чем-то, потом легко узнаваемый звук раскрывающихся дверей лифта... Тут запись кончилась. Дальше шла пустая пленка.

Они прослушали кассету до конца, не шевелясь, только закуривая все новые и новые сигареты, передавая друг другу зажигалку. Наконец раздался слабый щелчок – кнопка воспроизведения выскочила из пазов и встала в один ряд с другими.

– Что скажешь? – нарушил молчание Саша. – Твое мнение?

– Шантаж? – еле слышно предположила она.

– Именно. Это Костин голос?

– Конечно, его... Но с кем он говорил? – Руки у Ирины дрожали, она едва могла попасть в рот мундштуком сигареты.

Саша усмехнулся:

– А ты бы хотела узнать?

– Нет, нет! – Она ткнула сигаретой в пепельницу так, что окурок сломался. – Ничего я не хочу знать! Кто сюда принес эту гадость?! Кто посмел? Чей это диктофон?!

– А ты поспрашивай его друзей со студии!

Ирина с отвращением посмотрела на серебристую игрушку японского производства, как будто это было что-то грязное и омерзительное. Нерешительно предположила:

– Кто-то забыл, когда приходил ко мне после его смерти... Кто-то с телевидения – такие штучки обычно бывают у них... Они просто обвешиваются всякими игрушками... Но никто же не приходил!

– Совсем никто?

– Конечно, никто. Я тебе уже говорила, какая вокруг нас образовалась пустота после того, что случилось.

– А следовательно эту штуку видел?

– Может, и видел. Откуда мне знать? У нас же не было обыска.

– Не было?

– Нет. Просто осмотрели квартиру, искали какие-то бумаги, из которых можно что-то понять... Постой, но как же эта вещь сюда попала?! Когда? И кто это сюда принес? Зачем?

Она вдруг стиснула голову руками и в отчаянии прошептала:

– Я не хочу, не хочу, не хочу ничего знать! Почему я должна в этом копаться?! Шантаж – подумать только... Нет, это ошибка, он никого не шантажировал! Саша!

Саша молча возился с диктофоном.

– Что ты там творишь? – резко окликнула она его. – Тебе мало того, что слышал?

– Слишком мало мы слышали. Хочу послушать другую сторону.

Она не успела его остановить. Он нажал на кнопку, и они услышали Костин голос. Затравленный, негромкий, знакомый голос. Он говорил быстро, будто боялся не успеть:

– Иришка, дорогая, не знаю, что со мной будет, я наступил на мозоль одному большому человеку. Я дурак. Но я сделал это не ради денег. Нет, вру! Не только ради денег! Я запутался, но я хотел только хорошего... Да что оправдываюсь? Я, конечно, не ангел. Поддался соблазну,

пытался его припугнуть... Что со мной будет теперь – не представляю. Иришка, за мной следят. Каждый день я их вижу и чувствую, что они знают каждый мой шаг. Зачем следят? Могли бы просто убить. Но меня пока не трогают. Умоляю тебя – если меня уже нет, а ты слышишь эти слова – отвези кассету Игорю, ты должна его помнить, мы с ним раньше работали в газете... Не представляю, что говорю, впервые в жизни по-настоящему боюсь. И за себя, и за тебя тоже. Какой я негодяй, что подвергаю тебя опасности! Но лучше будет, если ты узнаешь заранее... Целую тебя. Пока.

Последние слова прозвучали как-то легкомысленно, не всерьез. Ирина плакала, слушая тишину, исходившую теперь от крутившейся дальше кассеты. Саша нажал на «стоп».

– Давай все сотрем, – сквозь слезы предложила Ирина.

– Дурочка, – ласково ответил тот. – Да ни за что на свете!

Глава 4

Иван не совсем соврал Алие, когда сказал, что у него есть девушка, и эта девушка его ждет. Девушка была, но ждала ли его – вот в чем вопрос. Позвонив матери из автомата, он поехал к Таньке. Жить у нее, правда, не собирался – Танька собственной квартиры не имела, обитала вместе с родителями. Родители неплохо к нему относились, но все равно – это не вариант.

Он не стал предупреждать девушку звонком по телефону – так прямо и нагрянул, на авось. Дверь ему открыл Танькин младший брат, Денис.

– О, привет, – удивился мальчишка. – А ее дома нету. Я один. Заходи, она тебя, между прочим, ждала.

Иван переступил порог, похлопал себя по карманам куртки и только теперь сообразил, что ничего не принес мальчишке. А всегда приносил ему подарок, еще не было такого, чтобы он пришел в этот дом с пустыми руками. Денис ждал подарочка с явным интересом. Наконец Иван нашел что-то подходящее – когда в Эмиратах покупал матери дубленку, ему вручили музыкальный брелок для ключей. Серебряное колечко с цепочкой, на цепочке болтается толстенное красное сердечко. Если над сердечком покричать – оно начнет истошно попискивать. Иван вынул брелок и протянул его мальчишке:

– На, это брелок. Потеряешь ключи – ори сильнее, найдутся.

– Ну? – Денис повертел сердечко и вдруг заорал как резанный. Брелок немедленно откликнулся, Иван от неожиданности вздрогнул и выругался:

– Придурок, не мог предупредить?!

Мальчишка не обиделся.

– Ничего, забавно, – солидно сказал он. – Сколько такой стоит?

Его всегда интересовала цена подарка. Иван отмахнулся:

– Танька скоро придет?

– Скоро. Она в училище. Но лучше бы ты мне принес тамагошу. У нас у всех в классе тамагоши есть, прикинь, только у меня нет! Отец зажал деньги, которые мне за хорошую учебу дает, говорит – всякую дрянь покупаешь...

– Держи, купи себе!

– О, класс... – протянул Денис, выхватывая у Ивана купюру и затараторил как заведенный: – Тамагоша – такой виртуальный друг в коробочке. Его надо кормить, поить, играть с ним, если заболит – лечить. А если несколько раз не покормишь – он умрет. Прямо, как человек. Еще у него семь жизней...

– А говоришь – как человек, – оборвал его Иван. – У человека всего одна.

Денис его уже не слушал:

– Ладно, я побежал. Ты ее дождись, не уходи, ладно? Она обрадуется!

– Куда ты намылился?

– За тамагошей.

И мальчишка, зашнуровав кроссовки, исчез за дверью. Иван обошел квартиру, проверил запасы продуктов в холодильнике, заглянул во все кастрюли. Увидел в одной из них борщ, но разогревать, конечно, не стал, хотя проголодался. Зашел в Танькину комнату, примостился в кресле и закрыл глаза. И сам не заметил, как уснул.

Разбудил его поцелуй и лукавый шепот:

– Ты что – с ночной смены пришел?

Он встряхнулся, потянул к себе Таньку. Та нехотя отбивалась, оглядываясь на дверь:

– Мать дома! Пусти! Сейчас обедать будем.

Он притянул девушку к себе, усадил на ручку кресла и вдохнул ее запах. Сквозь арбузную муть духов пробивался собственный запах ее кожи – пряный, сладковатый. Танька присмирела, гладила его по коротким, ершистым волосам, бормотала тихо-тихо:

– Куда пропал? Телефона у тебя нет, адреса нет, ничего нет. Я уже поняла, что ты специально прячешься, – шептала она. – Ведешь себя, как женатый. А может, ты и правда, женат?

– Паспорт показать? – устало спросил он. – Достань и посмотри.

– Где?

– В штанах.

Она доверчиво полезла ему в карман, он поймал ее руку, прижал к бедру, передвинул повыше. Она рассмеялась:

– Жу-у-лик противный... Имей совесть, мать все слышит.

– А мы тихонько! – Иван ухватился за медную пуговицу на ее джинсах, но она отскочила, сердито прошипела:

– Я тебе серьезно говорю, что это за скотство?!

– Каким словам ты без меня научилась, – покачал он головой.

Тут она обиделась всерьез. Уселась на диван, схватила какой-то журнал и, кусая накрашенные губы, принялась его просматривать. А Иван рассматривал девушку. Танька училась на парикмахера, и ее пунктиком было менять прическу и цвет волос почти каждый месяц. Сегодня она была шатенка, и челка закрывала брови. А в прошлый раз, когда они виделись, Танька была кудрявой блондинкой.

– Ничего, тебе такой цвет идет, – одобрил ее прическу Иван.

Она не отреагировала. Парень смотрел на ее склоненное лицо, на длинную челку, на густо накрашенные ресницы, опущенные над журналом... И вдруг сквозь нее увидел другую. Белокожую, круглолицую, черноволосую. Увидел беспощадно подведенные черные глаза, ее усмешку, крупную родинку между грудей – как медальон... Эта родинка ему тогда очень приглянулась... Он даже не пытался прогнать наваждение – напротив, ему хотелось задержать его подольше... Но Танька вдруг подняла голову, и все пропало.

– Я тебя не приглашала, – сказала она, будто продолжая начатую тему.

– Я могу уйти, если так, – равнодушно ответил он.

– Уйти, что ли?

– Матери бы постыдился, – продолжала она.

– Чьей?

– Моей! – Танька явно желала поговорить на тему семейных отношений, и это Ивану не нравилось. Он встал, потянулся, поворачивая кистями расставленных рук, покрутил головой, прогоняя остатки сна. И с чего это ему примерещилась Алия? Просто от недосыпа!

– А что мне твоей матери стыдиться? – спросил он, закончив свою зарядку. – Я к ней в зятя не набиваюсь.

– Да кому ты нужен?!

В дверь деликатно постучали:

– Ребятки, можно к вам?

Танькина мать, имени-отчества которой Иван так и не удосужился запомнить, деланно улыбалась гостю:

– Здравствуйте, Ваня. Уезжали куда-то? Давно вас не было видно.

– Работал, – коротко ответил он.

– Ему было страшно некогда, – иронически вставила Танька.

– Ну, к столу? – Танькина мать вопросительно посмотрела на свое чадо. Она видела, что дочь обижена на Ивана, но не знала, как себя вести в такой ситуации. Иван не заставил себя звать дважды. Он прошел на кухню, за ним – Танькина мать. Танька есть не пожелала, осталась в комнате.

Иван ел предложенный обед в полном молчании. Он раздумывал, как ему быть, куда податься. Остаться тут? Нельзя, да и не хочется. Как ни странно, встреча с Танькой его не порадовала. Больше того – он вдруг понял, что эта девица ему абсолютно не нужна. Ну, просто пустое место. Не говоря уже о ее мамаше, которая уселась напротив – так и провожает взглядом каждый кусок, который Иван отправляет в рот. Наконец та не выдержала:

– Ваня, я давно хотела вас кое о чем спросить. Можно, надеюсь?

Он слегка пожал плечами, запихивая в рот остатки хлеба и снова берясь за ложку. Он мог бы есть и поаккуратней, вообще не любил свинства за столом. Но ему безотчетно хотелось позлить женщину.

– Вы с Таней встречаетесь уже третий месяц, – нервно заговорила женщина. – Она мне не жалуется, но я вижу – у вас что-то не ладится.

– Вам показалось, – ответил он, прожевав хлеб. – Можно добавки?

Она оторопело встала, налила еще борща, и парень молча продолжал есть.

– И все же, – гнула та свое. – Как это надо понимать? Вы собираетесь с Таней пожениться или нет? Это, кажется, естественный вопрос.

– Конечно, – согласился он. – Нормальный вопрос. Жениться мы пока не собираемся.

Она вздрогнула, как от удара:

– И у вас хватает совести мне такое говорить?!

– Слушайте, – Иван отодвинул тарелку. – Вашу Таню никто не принуждал со мной встречаться. Все было добровольно. Я ей ничего не обещал. Жениться не собираюсь ни на ней, ни на ком вообще. Я ей это сто раз сказал. При чем тут совесть?

– Ваше счастье, что дома нет ее отца! – истерически бросила она.

– А что такое? – набычился Иван.

– А то, что он спустил бы вас с лестницы!

Парень переждал минутку, давая ей время распалиться еще больше. И спокойно ответил:

– Ну, в этом я очень сомневаюсь. Начать-то он бы начал... Но заканчивал бы все равно я. Пожалели бы мужа.

– Хам!

На этот выкрик из комнаты прибежала Таня. На Ивана она внимания не обратила и вместо него сразу напустилась на мать:

– Ну, что ты все лезешь?! Что ты все портишь?! Что ты все время влезаешь в мою жизнь?! Что ты тут разоралась?!

– Тань, потише, – попросил ее Иван. – Если еще и ты заведешься...

– Пойдем отсюда! – Танька рванула его за рукав. – Пошли!

Уже у двери им подвернулся под ноги Денис:

– Вань, гляди – тамагоша! Танька, посмотри, какой брелок!

– Да отвяжись ты, бога ради! – заорала на него сестра. От ее крика брелок немедленно запищал, приводя Дениса в восторг.

На улице девушка повесилась Ивану на шею и поцеловала его. Он подержал ее за плечи, потом отпустил. Она вздохнула:

– Я буду самая счастливая, когда уйду из этого дома.

– Так уходи.

– А куда?

– Ну, не знаю.

– А жалко, что не знаешь, – она взяла его под руку. – Уж мог бы знать. Все, что мать про женитьбу говорила – это, конечно, чепуха. Мне не нужен этот дурацкий ЗАГС, ты же понимаешь. Но хотя бы жить вместе мы можем?

– Нет.

– Ну почему? – жалобно протянула она. – Ты достаточно зарабатываешь. Сняли бы квартиру. У меня как раз друзья сдают. Очень милая квартирка, всего за двести пятьдесят баксов. В районе Измайлово. Знаешь? Рядом парк, рынок. Восьмой этаж, вся мебель новая, телефон.

Иван заинтересовался:

– Еще не сдали?

– Говорю же – нет.

– А что? – вслух задумался он над ее предложением. – Можно посмотреть.

– Серьезно? – обрадовалась она. – Тогда поехали прямо сейчас, я только позвоню!

Она бросилась к автомату, а он дожидался рядом, не слушая, что она там говорит в трубку. Квартира подверглась кстати. Он привык жить на съемных квартирах, другого образа жизни уже не мыслил. К матери все равно не вернулся бы, на «Сокол» ехать нельзя. Некуда податься, тем более сейчас, когда на него стала поглядывать милиция. Можно пожить в Измайлово с Танькой. Это всем отведет глаза, неплохой вариант. Вот только закончится это проклятое дело с телевизионщиком – и тогда он снова встретится с Сергеем. Тот найдет новый заказ – хороший заказ, привычную работу. Единственную работу, которую умел делать Иван. Нельзя сказать, что ему нравился сам момент убийства. Это ему как раз и не нравилось. Зато подготовка, слежка за жертвой, последние минуты перед выстрелом, а потом – стремительное бегство – это его захватывало, как детская игра на пустыре. И еще ему нравились деньги. Хорошие деньги за трудную работу. Разве это не справедливо? Разве это не правильно? Только разве скажешь матери или еще кому-то, чем он добывает средства к жизни... Танька – молодец, она его об этом не спрашивает. Потому что знает – любые деньги хороши уже тем, что они есть. Вот если их нет...

– Договорилась! – Танька снова схватила его под руку. – Поехали. Но они хотят предоплату за два месяца, меньше не соглашаются... Говорят, что и так дешево сдают квартиру, слишком она хороша. Деньги у тебя с собой?

– Всегда с собой! – откозырял Иван. – Сейчас поймем тачку и поедем.

– Погоди, – удивилась вдруг Таня. – А где твоя машина?

– Тю-тю, – свистнул он. – Угнали.

– Да ты что?!

Он поразился, какое впечатление новость произвела на девушку. Ее глаза чуть слезами не наполнились. На Таньку жалко было смотреть, и он чуть не расчувствовался. Правда, вовремя сообразил, что та огорчена по вполне понятной причине – ведь без машины поклонник терял часть привлекательности. Ее огорчение не имело ничего общего с состраданием. Он сердито сказал:

– Да ее уже нашли. Она в ментовке, мне ее скоро вернут.

– Вань, ты меня прости? – Девушка прижалась к нему и умильно улыбнулась.

– За что это?

– Ну, за то, что я тебе сегодня наговорила... Правда, я так по тебе скучала...

– Ну, я же пришел, верно? И теперь мы будем жить вместе.

– Я так счастлива...

...Квартиру они сняли без особых проблем, и через два часа у них были два комплекта ключей. Хозяйева попрощались и исчезли, прихватив с собой ковер и телевизор. Танька возмущалась – почему бы не оставить эти необходимые в хозяйстве вещи?! Но хозяйева стояли насмерть – без ковра и телевизора им просто зарез.

– Что делать? – растерянно спрашивала Танька, когда они с Иваном остались наедине. – Как же мы будем без телевизора?

– Прекрасно, – отрезал Иван, заваливаясь на диван.

– Ненавижу телевизор.

– Шутишь?!

– Seriously. Показывают всякую муру, да еще эти новости... Лучше не знать, что вокруг творится – так легче.

– Ты просто дикарь... – Танька бродила по квартире, ее горе по поводу исчезновения телевизора уже прошло. – Знаешь, кто бы мог подумать, что уже эту ночь мы проведем вместе... И моя мама не достанет нас тут, она даже не знает адреса... И отец не будет на мозги капать. Мне только вещи надо сюда привезти. Ваня!

– Что?

– Ты меня слышишь? – Она присела на диван, наклонилась к нему, прижалась щекой к его лбу. – Я так счастлива... Вань, ну скажи – может, у нас с тобой что-нибудь выйдет?

– А почему не попробовать? – сонно спросил он. – Я готов.

Когда совсем стемнело, и Танька ровно дышала рядом с его плечом, и в комнату упал свет полной луны – он опять куда-то уплыл. На Таньку он теперь не смотрел – картинка появилась на стене. На этот раз Алия предстала перед ним именно такой, какой он видел ее в последний раз, в плохо освещенном дворе, прежде чем она напала на него. Смутное пятно лица, длинные пряди черных волос, провалы глазниц...

– Что за черт! – Иван зажмурился, широко открыл глаза. На стене ничего не было. Танька беспокойно шевельнулась во сне. И он понял, что Алию нужно найти обязательно.

Иван повторил про себя: «Боссарт Алия Викторовна...» И название города, из которого она была родом. Ничего нет проще – наведаться снова в тот город, найти ее адрес и телефон с помощью фамилии. Он сомневался, что Боссартов в том городе много. Тем более что многие немцы давно уехали из Казахстана в Германию. Но путь в тот город был для него закрыт. Надолго, если не навсегда. Он свято исполнял золотое правило – никогда не возвращаться на место преступления. Его могут случайно узнать, хотя он делал все, чтобы не попадаться на глаза лишний раз. Была еще одна причина, чтобы не возвращаться – заказчики... Если те узнают, что киллер вернулся – решат, чего доброго, что он решил призаняться шантажом. Тогда – финал. Так что дома Алию не накроешь. Надо искать в Москве.

Иван ни капли не поверил ее словам, что она собирается остановиться у подруги на метро «Автозаводская». Это было сказано явно для отвода глаза. И то, что машину его нашли как раз на «Автозаводской», он воспринял, как издевку с ее стороны. Она специально сделала это, чтобы посмеяться...

Иван встал, прошел на кухню и до утра просидел за столом, опустив голову на скрещенные руки. Он прикидывал разные варианты, как найти девчонку, но ни один его не устраивал. Собственно, девчонка могла бы снять с него подозрения... Если он приведет ее к ментам и заставит рассказать, как она угнала машину – с него подозрения сразу снимут. Но разве он может сделать такое?

В шестом часу утра парень посмотрел на часы. В это время Сергей должен быть уже в Шереметьево. Встретиться бы с ним – с единственным другом, которому можно излить душу. Хотя они и уговорились не видеться в первое время, но теперь Иван задумался – а есть ли в этом смысл? Встречу можно назначить на нейтральной территории. Поскольку Ивану сейчас лучше не высовываться, а Серега чист перед милицией – надо поручить ему поиски Алии. Иван прекрасно запомнил адрес, по которому Алия была временно прописана в Москве. Крупные буквы на мутной печати врезались ему тогда в глаза. Это был адрес общаги. Серегу надо отправить в общагу, чтобы он поспрашивал знакомых Алии. А такие наверняка найдутся. Девчонку можно найти, конечно, придется побегать, поспрашивать людей, даже подмазать кого-то... А когда Серега ее найдет, Иван с ней встретится и поговорит по душам. Может быть, он ее простит. И тогда... Тогда она ему здорово пригодится...

Им с Серегой нужна была девушка. Не для занятий сексом – для этого не стоило бы затрачивать столько усилий. Иван давно придумал ход, с помощью которого они могли бы выслеживать и ловить клиентов. Иного клиента трудно выманить в нужное место в нужное время. При-

ходится следить за ним, изучать его маршрут, бегать по пятам, пока не поймаешь на мушку... Да еще личную безопасность соблюдать. Многие из их клиентуры охотно посещали ночные клубы, казино. Вот бы запускать туда никому не известную девушку симпатичной наружности. Свою девушку, подсадную утку. Она бы цепляла клиента и выводила его под выстрел, потом исчезала. Конечно, Иван прекрасно понимал, что век такой подсадной утки будет недолгим. Скорее всего, ее быстро засекут – особенно с такой внешностью, как у Алии. Слишком уж бросается в глаза. Но с другой стороны, о ее безопасности он не слишком заботился. Нужна была девушка, у которой не было бы никаких сильных знакомых, заботливых родственников, любовника в Москве, который бы мог за нее заступиться. Алиа подошла бы идеально. Серега давно знал о его плане, но не одобрял его.

– А если девчонку засекут – где гарантия, что она нас не выдаст? – спрашивал он, когда Иван в очередной раз доказывал ему преимущества своего плана.

– Гарантий быть не может. Но подумай – что ей смогут предъявить? – втолковывал Иван. – Ну, встречалась в казино с богатыми мужиками, ну, приглашала их к себе... Ну, что еще-то? В крайнем случае – обвинят в проституции. Но что она наводчица – это еще доказать надо.

– Сама расколется.

– Нет! Менты ничего ей инкриминировать не смогут. А я ей пообещаю пулю, если проговорится.

– Чего ради она станет на нас пахать?

– Она будет падать в долю, – невозмутимо пояснил Иван. – Тебе что – денег жалко? Зато работать будем быстрее и чище.

– Ну, как знаешь. Если найдешь такую, которая согласится – попробуем. Но я бы воздержался! – отвечал недоверчивый Сергей.

На том эти разговоры обычно и кончались. И вот Иван вроде бы нашел вариант... И вариант так позорно сорвался. Хуже того – его машина как-то привязана к убийству телевизионщика. К заказному делу! Хуже быть не может!

Иван пересчитал деньги, которые были при нем. Три тысячи долларов и еще мелочь. Конечно, немало. Но и не так уж много. Сколько он ни зарабатывал, не удавалось отложить порядочную сумму. А теперь еще неизвестно, как долго он не сможет работать. На сколько хватит трех тысяч?

Основные капиталы хранились у Сереги. Он обычно брал на себя труд снять квартиру, найти клиента, взять аванс и оружие. План разрабатывали сообща. Друг за друга не прятались. Но как-то повелось, что Иван шел номером вторым там, где требовались организаторские таланты. И выходил на первый план, когда требовалась сила и ловкость. Хотя в этом приятели друг другу не уступали. У Сереги, как прикинул Иван, должно было оставаться около восьми тысяч долларов. В Эмираты он их с собой не брал – оставил у бабки, которая жила на «Дмитровской». Бабка из дома не выходила, и в дом никого, кроме Сереги, не пускала. Свою единственную дочь Валентину – Серегину мать – она на дух не выносила, считала, что та ждет ее смерти. А вот внука любила. Бабка брала на хранение деньги, которые Серега всегда тщательно упаковывал в пластиковый пакетик и наглухо заклеивал скотчем. Сперва ребята скрывали от бабки, что находится в свертке, потом как-то перестали делать из этого тайну. Бабка относилась к заданию очень ответственно и постоянно перепрятывала пакетик на новое, более надежное место. Одного только ребята ей предпочитали не сообщать – сколько там денег.

– Мне кажется, она его распаковывает, а потом обратно заклеивает, – вздыхал Серега. – Правда, деньги не пропадают...

– Она никому не скажет? – беспокоился Иван.

– Да кому ей говорить? Матери ни за что не проговорится. И потом – я же ее предупреждаю: «Бабань, храни сверточек, если потеряешь или повредишь – мне конец и тебе тоже не поздоровится». Знаешь, как она его охраняет?!

Итого, в общей сложности они на этот день владели одиннадцатью тысячами. Машина у них была одна на двоих. И как раз та, что сейчас подвергалась обследованию в милиции. Собственных квартир у ребят не было. Все, что они зарабатывали – спускали как-то в одночасье, экономить не умел ни тот, ни другой. Иван впервые призадумался – а что ждет их в будущем? Лет им уже немало. Двадцать девять, потом тридцать – все-таки солидный возраст. Приходится задуматься, где жить, с кем, чем заниматься. Сколько они еще продержатся на плаву? Слава богу – пока они еще неизвестны ни мафиозным кругам, ни милиции. Их никто не поймал за руку, не предъявил счет. Они работали практически на всех территориях, принадлежавших московским мафиозным группировкам, и ни с одной группировкой не вступали в конфликт. О них просто никто не знал. Еще проще было с «выездами на места». Там Иван не успевал примелькаться – исчезал сразу после дела. Да, пока им везло... На их счету было уже более двадцати жертв. Стало быть, они заработали тысяч пятьдесят долларов – если учитывать, что поначалу брали дешевле... И где эти деньги?

Иван потянулся к телефону. Ему хотелось позвонить Сереге, поговорить с ним. Они договорились, что Сергей для начала поедет к своей бабке. Потом до него дошло, что Серега еще едет в Москву – он не мог добраться до дома в такой ранний час. Иван поставил чайник, отдернул штору, посмотрел на смутный, подернутый туманом утренний пейзаж...

В дверях кухни появилась сонная Танька:

– Ты уже встал?!

Потом увидела разложенные по столу доллары и остолбенела:

– Это твое?

– Мое, – процедил Иван. – Сколько тебе надо на хозяйство?

– На месяц?

– Пусть на месяц.

– Дай долларов триста... – неуверенно попросила она.

Он отсчитал четыреста, и пачка заметно уменьшилась. Танька взяла деньги, но не исчезла. Было видно, что ей до смерти хочется о чем-то спросить, и парень догадывался, о чем. «Вань, кем ты работаешь?» Ох, и донимают его этим вопросом... Но Танька была хороша как раз тем, что не задавала лишних вопросов. Она поцеловала друга и пошла умываться. За завтраком девушка щебетала, как поедет сейчас в училище, как потом заберет из дома свои вещи. Надо бы поехать туда, когда родителей нет, потому что иначе они ее сгрызут.

– Вань, – протянула она. – А может, купим телевизор?

– Обойдемся, – отрезал он.

– Ну, хоть магнитофон, а?

Он вдруг вспомнил о музыкальном центре. Черт, они забыли его в последней квартире на Соколе! При теперешнем положении дел не стоит разбрасываться такими штучками... Центр они брали за пятьсот баксов, и загнать его при случае можно за четыреста, нашелся бы покупатель. Иван пообещал:

– Я сегодня привезу аппаратуру из одного места. Так что на этом мы сэкономим.

– Ура! – Она вся сияла. Было видно, что самостоятельная жизнь приносит ей массу удовольствия. – Вань, а ты что – никуда не едешь?

– Куда ты мне предлагаешь поехать?

– Ну, как же... – протянула она. – На работу.

– Я в отпуске.

И больше Танька эту тему не затрагивала. Через полчаса она ушла в училище. Иван подремал, растянувшись в одиночестве на диване, потом встал, принял душ и засел за телефон. Прежде всего позвонил матери и в очередной раз попытался ее успокоить.

– Ваня, а как же твои вещи? – спросила она.

– Я их сегодня заберу.

– Значит, приедешь?

– Постараюсь.

– Я хочу, чтобы у тебя были ключи от квартиры, – беспокойно сказала она. – Это твой дом, и тебе всегда можно сюда вернуться.

– Ладно, мам, договорились, – согласился он. – Участковый больше не беспокоил?

– Нет, я его не видела. Ванечка, ты уверен, что все ему рассказал?

– Даже больше, чем нужно было, мам. Да ты не переживай. Я не имею никакого отношения к этому делу.

– Оставь свой телефон! – попросила мать. – Я знаю, ты не любишь давать свои координаты, но на этот раз сделай исключение... Я никому не дам твой адрес, но у меня он должен быть...

– Да разве я отказываюсь? Записывай.

Он продиктовал ей телефон и адрес новой квартиры. Что ему было скрывать? Ведь и снял он эту квартиру именно в целях легальности. И предупредил обрадованную мать:

– Да, мам, тут вместо меня может подойти к телефону девушка, ее зовут Таня. Так ты ей скажи, кем мне приходишься, а то она ревнивая, еще возьмет и не передаст, что ты звонила.

Мать засмеялась:

– А говорил – у друга будешь жить. Девушка красивая?

– Симпатичная, – с улыбкой ответил он. – Но ты лучше.

У матери, похоже, отлегло от сердца. Теперь можно будет не звонить ей несколько дней – она сама позвонит, если что-то случится. Иван набрал номер, по которому должен был находиться Сергей. После долгой паузы в трубке послышался надтреснутый старческий голос:

– Слушаю...

– Здравствуйте, Сергея можно? – громко прокричал Иван. Бабка была туга на ухо.

– Кого?

– Вну-ка ва-ше-го Сер-ге-я! – проорал Иван.

– Сергея? – удивленно протянула старуха. – А кто его спрашивает?

– Иван!

– Какой Иван?

– Да Лаврушин Иван! Друг его! Сергей не приехал?!

Орал он так, что сам стал хуже слышать. А бабке хоть бы что – она все так же неторопливо растягивала слова:

– Ваня? Это Ваня, что ли?

– Да, Ваня!

– А, так это Ваня... А что же он сам не позвонил? У меня уже продукты кончаются... Молока ни капельки не осталось. А кто мне, кроме него, принесет? Кому я нужна? Валентине, что ли? Век бы мне ее не видеть... А Сереженька заезжал на прошлой неделе, обещал, что скоро еще приедет... А я думаю – кто это звонит? А это, оказывается, Ваня...

– Так его что – нету? – прокричал Иван.

– Нету, нету, – слезливо откликнулась бабка. – Давно уже нету.

– Ну, так ждите его! Он сейчас приедет!

На этом Иван закончил изнурительный разговор. Достал с полки потрепанный телефонный справочник, нашел телефон аэропорта, долго дозванивался, наконец выяснил, что рейс из Дубаев прилетел два часа назад, как он и прикидывал. Значит, Серега вот-вот явится к бабке.

Непонятно почему, Иван нервничал. Хотя – что тут было такого – ведь самолет долетел, не упал. Значит – с Серегой все в порядке. Если он только не натворил чего-нибудь в Дубаях перед самым отлетом. Мог напиться и вывалиться в таком виде на улицу. А это, как известно, в суровой мусульманской стране не рекомендуется. Мог послать какого-нибудь торговца далеко-далеко или еще хуже – пригрозить ему... И тогда, конечно, тюрьма. Но Иван знал – Серега парень не такой. Он четко знает границу, которую нельзя переступать. Иначе они давно бы засыпались...

Бабке он позвонил еще через час, когда совсем извелся. На этот раз она взяла инициативу в свои руки и запричитала:

– Ванечка? Это ты опять? А его все нету и нету. Я уже беспокоюсь. А почему вы не вместе приедете? Всегда вместе, такие друзья, а теперь почему поврозь? Поссорились, не дай бог?

– Да нет, не поссорились, не переживайте! – орал Иван. – Так нет его?

– Нету, нету...

– Ну, скоро приедет, – попытался успокоить ее Иван. Он уже не рад был, что всполошил бабушку – начнет переживать, мало ли что с ней случится, старый человек. – Я вам через час позвоню.

Это ему уже не нравилось. Когда Сергей не появился у бабушки и через два часа, Иван понял – тот решил вовсе к ней не заезжать, а остановиться в другом месте. Может быть, это было и предусмотрительно, но Ивана такой вариант не слишком устроил. Как они теперь свяжутся? Все-таки придется держать связь через бабушку, а та была настолько взволнованна, что почти не могла нормально говорить, когда Иван позвонил ей в очередной раз.

– Ваня? Его все еще нет! С ним что-то случилось – я чувствую! – закричала она.

– Ничего с ним не случилось, он просто задержался, – кричал в ответ Иван. – Вы не переживайте – зря я вас взбаламутил.

– Все вы от меня скрываете, – канючила бабушка. – Ничего мне не говорите. Как это – не переживайте?! Легко тебе говорить – молодому... А продукты кто мне привезет?

– Я!

Иван решил взять на себя эту обязанность. На всякий случай стоило оставить Сергею записку со своими координатами. Он отправился в магазин, закупил обычный набор продуктов, который был нужен бабушке – пакеты молока, сливочное масло, сыр, вареная колбаса, два десятка яиц, большой пакет муки, манка, гречка, сметана... Пока дотащил все это до ее дверей – еле жив остался. Особенно его раздражали приобретенные яйца – он по глупости уложил пакет с ними на самое дно и теперь переживал – что от них осталось?!

Бабушка его ждала и все-таки открыла ему только после долгих переговоров и смотра в глазок. Она была очень осторожна – ведь у нее хранился пакет с капиталами ребят. Это немного успокоило Ивана – деньги в надежных руках, бабушка будет стоять до последнего, но никому их не отдаст.

– Ваня, – обрадовалась старуха, когда он втащил пакеты в прихожую ее тесной «хрущевки». Вдвоем тут было не развернуться. – Сколько ты принес! Мне на месяц хватит!

– А его все нет? – спросил Иван, втаскивая пакеты на кухню.

– Нету. Как сквозь землю провалился. А ты что это – вроде загорел? – удивилась бабушка. – Это в ноябре-то?!

– Да. Мы в Эмиратах отдыхали.

– С Сереженькой?

– С ним. Вот он и должен был из Эмиратов прямо к вам приехать.

– Да не разбился ли самолет? – испугалась старуха. – Я радио не слушала, может, там передавали?! Безголовые вы, смерти не боитесь, летаете туда-сюда! Вот горе-то!

– Да нет! – успокоил ее Иван. – Самолет прилетел благополучно, я звонил в аэропорт, так что не переживайте. А сам он, наверное, просто на другую квартиру поехал.

– Живете вы, молодые, как кузнечики! – неодобрительно заметила бабка. – Прыг-скок. Он мне никогда своего адреса не оставляет. Почему? Чего меня-то бояться?

– Да не боится он вас. Просто часто адрес меняется, вам он все равно не пригодится. Я ему, кстати, записку оставляю.

Иван быстро нацарапал послание и передал бабке:

– Когда придет – отдайте. А если не придет, а только позвонит – скажите, что я вам адресок оставил. Ладно?

– Хорошо... – Бабка спрятала записку в кухонный шкафчик и пугливо огляделась, будто кто-то мог за ними следить, прошептала: – Пакетик-то свой оставляете или как?

– Пока оставляем, – нерешительно сказал Иван.

– Уж скорей бы вы с меня эту тяжесть сняли. Такие деньжищи – подумать страшно... – Вздыхнула бабка. – Они мне жизнь сокращают, эти ваши денежки. А что я с них имею? Да ничего.

– Давайте, я вам денег оставляю, раз так! – предложил Иван.

– Зачем мне деньги? – отмахнулась старуха. – Я же невыходная уже пять лет. Как нога распухла, так никуда и не хожу. Мне даже пенсию некуда потратить.

– Я бы на вашем месте радовался, – вздохнул Иван. – Мне бы кто платил пенсию – я б до потолка прыгал, хоть бы и нога распухла!

– Шутишь? Такому бугаю никакой пенсии не хватит. А не работаешь – и не будут платить, – назидательно проговорила она. – Серегу то же самое ждет. Я ему давно говорю: «Ты хотя бы фиктивно на какой-нибудь завод устройся. Ничего, что у тебя судимость – теперь на это не очень-то смотрят!» Где там! У него, видите ли, руки к этому не приспособлены. Не тем местом они воткнуты. Сколько денег ему не дай – не удержит. Пальцы дырявые. У тебя такие же. Вы, деточки мои, наплачетесь еще.

– Ладно, я пошел, – поморщился от ее нравоучений Иван. – Пакетик сохраняйте.

– И то уж, ночей не сплю из-за него. Ладно, иди. Надолго только не пропадай, звони хотя бы!

Оказавшись на улице, Иван поколебался – не поймать ли машину для поездки на «Сокол»? Потом отказался от этой мысли – чем меньше людей сможет указать милиции, что он там жил, тем лучше. Не стоит рисковать. Он поехал на метро. Добрался до знакомого дома, когда совсем стемнело. Прежде чем войти во двор, огляделся по сторонам – нет ли где соседей? Никого не было, только в переулке редко-редко проезжала машина. Во дворе ему тоже никто не встретился, если исключить собак, как всегда, копающихся в помойке. Иван предпочел не ждать лифта и поднялся на третий этаж. С минуту он постоял у двери, послушал, нет ли внутри шума. Все было тихо. Тогда он достал ключи и отпер дверь...

В следующий миг ему пришлось пережить сильное потрясение. Из темноты коридора на него вылетело что-то воющее, с горящими глазами. Иван даже охнуть не успел – только прижался к стене... А воющее существо, оказавшись на освещенной лестничной площадке, превратилось в кота. Этого кота Серега нашел во дворе и с тех пор подкармливал. Кот иногда ночевал с ребятами, но чаще предпочитал проводить время на улице, среди старых друзей и подружек. И вот животное каким-то образом оказалось в запертой квартире...

Иван моментально сообразил – в квартиру кто-то входил с того момента, как они с Серегой ее покинули. Это мог быть хозяин, решивший проведать жильцов. Но хозяин вряд ли потерпел бы присутствие уличного кота. Этот пункт в их устном уговоре не значился. Значит, тут побывал сам Серега – кому еще пришла бы в голову мысль пустить сюда животное?

Иван прикрыл за собой дверь, но на всякий случай не стал защелкивать замок. Оттянул предохранитель и оставил крохотную щель между дверью и косяком. В квартире было темно и тихо. Свет в коридоре ему почему-то включать не захотелось. Знакомое чувство опасности – ледяной холодок вдоль позвоночника, влажная дрожь пониже живота... Он подумал, что не

вооружен, значит, если что – придется действовать голыми руками. Парень бесшумно шагнул в сторону первой комнаты. Прислушался. Абсолютная тишина. Понять, есть ли кто в квартире, можно было, только включив свет. Он выругался про себя и протянул руку, нашарил выключатель, нажал...

Вспыхнула лампочка без абажура, висевшая под растрескавшимся потолком. В комнате никого не было. Все вещи находились точно в том положении, в каком он их оставил. Иван не стал тратить время на эту комнату, оставил свет включенным и пошел на кухню. Там его ждала та же картина – относительный порядок, пустая раковина, стопка чистых тарелок – он сам их помыл перед последним делом... Ванная, туалет – тот же результат. Свет в последней комнате он зажег почти спокойно.

И увидел Сергея.

Тот лежал на диване, лицом вниз, широко раскинув ноги, обутые в грубые ботинки армейского образца. По пояс он был совершенно голый – даже майки на теле не осталось. Джинсы расстегнуты и спущены почти до колен... Выглядело все это так, будто его друг ожидает, когда ему поставят укол.

– Серега... – прошептал Иван.

Точнее, попытался прошептать. Губы никак не расклеивались. Он достаточно повидал мертвых на своем веку. Сергей был мертв.

Прежде чем притронуться к нему, Иван обшарил всю комнату, убедился, что никто в ней не спрятался. Потом сбегал в коридор, запер дверь на все замки. Ему было плохо, как никогда в жизни. Он был готов завывать, точно как этот несчастный кот, сидевший в темной квартире с мертвецом... Иван с трудом перевернул друга на спину, прижался ухом к его груди, чтобы прослушать сердце, и тут же выпрямился. Нечего было слушать. Тело совершенно холодное. Тут ему и самому стало холодно.

Смутно вспоминалось, что в холодильнике должна быть недопитая бутылка водки. Они с Сергеем выпили немного в ту ночь, когда сбежала Алия. Ивану водка тогда пошла на пользу – он моментально уснул. Может, она была и не полезна при сотрясении мозга, но он не привык церемониться со своим организмом. Вообще никогда не думал, что с ним может что-то случиться. А вот теперь остро ощущал – с ним может случиться все, самое худшее. Водка в холодильнике нашлась, и он выпил остаток из горлышка, не закусывая, не переводя духа, не ощущая вкуса и запаха. Отбросил пустую бутылку, так что та докатилась до стены и остановилась, жалобно звеня. Но, как ни странно, не разбилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.